

**АЛЕКСЕЙ
ЕЛИСЕЕВ**

**ДРОН
РОДОВИЧ**

КРАЙ ГАЛАКТИКИ,

РЕВЕРС

**Арон Родович
Алексей Елисеев**

Край Галактики. Реверс

Серия «Край Галактики», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73153938

SelfPub; 2026

Аннотация

Здесь вам не там! Я бывший пилот и, кажется, я всё-таки погиб, но был возвращён к жизни не по своей воле. События биографии как в тумане, но моё прошлое здесь никого не интересует, а будущее уже расписано на десятилетия вперёд. Я воскрес из мёртвых и это предстоит отработать. Контракт, в котором душа всего лишь ресурс. Но делать нечего, придётся работать с тем, что есть. Мой первый шаг – Имперская Академия.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	72
Глава 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Алексей Елисеев, Арон Родович Край Галактики. Реверс

Глава 1

Никто не предупреждал, что воскрешение – процедура столь гнусная и лишённая всякой торжественности.

Я рванулся из небытия, словно глубоководный ныряльщик, у которого опустели баллоны. Первый вдох дался как пытка. Воздух, сухой и колючий, ворвался в гортань с наждачным скрежетом, распирая слипшиеся лёгкие. Грудную клетку обожгло холодом, будто внутрь плеснули жидкого азота. В ушах стоял тонкий, сверлящий свист, переходящий в гулкое уханье крови, пробивающейся по застоявшимся сосудам. Тело отказывалось подчиняться. Нервы сигнализировали о беде всем сразу – ломотой в суставах, ледяной дрожью и дикой, звериной жаждой. Однако мозг уже щёлкнул тумблером: «Ты мыслишь, следовательно, отставить паниковать. Пока работает насос, мы держимся в воздухе».

Второе ощущение накатило волной удушья. На лице, на веках, на губах лежала плотная, омерзительная плёнка. Она прилегала герметично, пропуская кислород лишь крохотны-

ми порциями. Это напоминало кошмарный сон эпилептика. Кто-то невидимый и властный держал тёплую ладонь у моего рта, не давая набрать полную грудь.

Я попытался повернуть голову. Шея отозвалась скрипом несмазанных шарниров. Мышцы, привыкшие к перегрузкам и мгновенным реакциям, стали ватными и чужими, словно налитыми свинцовой тяжестью, какая бывает после общего наркоза или недельной лихорадки. Я поднял руки, и пальцы предательски дрогнули.

А ведь как мои руки уверенно управляли... Чем? Летательный аппарат... Вертолёт! Я вспомнил это как мышечный рефлекс, въевшийся в подкорку. Мои пальцы знали, что такое держать многотонную винтокрылую машину, когда небеса решают, что тебе не место в воздухе.

Память услужливо подбросила ощущение шершавой поверхности рукоятки под перчаткой. Правая рука намертво срослась с ручкой управления циклическим шагом винта – продолжение моей воли. Левая лежала на рычаге «шаг-газ», чувствуя каждое изменение оборотов, каждое дыхание турбины, готовая рвануть вверх или прижать машину к земле. Не работа – симбиоз с боевой машиной. Боевой?

Я вспомнил тот заваливавшийся горизонт, плясавший дикую пляску. Машину бросало под немыслимыми углами. Штормовой ветер швырял вертолёт, как пустую пивную банку, а снизу, сквозь пелену дождя, к нам тянулись злые ро-счерки трассеров. Мой мир сужен до показаний приборов и

дрожи машины. Жизни экипажа, груз, сама стальная птица, я сам – всё висело на кончиках моих пальцев. И тогда, руки не дрожали.

Я поднял кисть перед лицом. Она тряслась, как у глубокого старика или у горького алкоголика. Пальцы подрагивали, живя своей отдельной жизнью. Да и мои ли это руки?

Я взгляделся в синеватую, чужую кожу. Слишком правильные ногти, ни единого шрама, ни единой мозоли, нежные как у женщины или даже... младенца. Те, прежние руки, были в шрамах, в пятнах масла, с мозолями. Эти же были девственно чисты и гладки, как у манекена в витрине дамского магазина.

Я сжал кулаки, пытаюсь унять этот позорный тремор. Костяшки посветлели. Злость накатила горячей волной. Я пилот. Я офицер. Я не должен лежать здесь куском дрожащего холодца.

Я стиснул зубы. Злость – отличное топливо, когда нет адреналина. Схватив пальцами скользкую, липкую преграду, я потянул её с лица. Материал, напоминавший плотную упаковку для скоропортящихся продуктов, поддался с неохотой. Раздался резкий, сухой треск рвущегося полимера.

Холод ударил с новой силой, беспощадный и всепроникающий. И это был не уличный мороз, бодрящий и живой, а мёртвый, стерильный холод лабораторного холодильника. Я жадно, по-рыбьи, хватанул воздух полным ртом. Легкие развернулись, ребра хрустнули, и это стало моей первой страте-

гической победой в этом непонятном бою за существование.

Подо мной обнаружилась твердь. Металл. Гладкий, полированный, безжалостно холодный стол. Слишком длинный для обеденного, слишком узкий для операционного. Скорее, прозекторский. Или конвейерный. Я предпринял попытку сесть. Организм сопротивлялся, требуя покоя, но я поймал себя на профессиональной деформации действовать экономно. Так... Потихоньку... Никаких рывков, амплитуда минимальная... В черепной коробке гуляло эхо, как в пустом ангаре после взрыва. Память пряталась где-то за горизонтом сознания, не желая выдавать ни единой отчётливой картинки.

Я сел, свесив ноги. Замер, превратившись в слух. Сердце колотилось часто, но ритмично, без сбоев – тук-тук-тук, как исправный мотор на холостых оборотах. Значит, фюзеляж цел, гидравлика работает. Шансы на выживание перешли из категории «теоретические» в категорию «вероятные».

И лишь утвердившись в этом, я позволил себе открыть глаза.

Мир, представший передо мной, был лишён солнца. Свет здесь был болезненный, сумеречный, словно процеженный сквозь грязную марлю. Он не падал сверху, а сочился отовсюду, размывая границы и лишая предметы теней. Пространство же не поддавалось осмыслению. Это был зал циклопических размеров, уходящий в бесконечность, теряющийся в серой, мутной дымке.

Ряды. Бесконечные, геометрически безупречные ряды металлических столов. Сотни? Нет, бери выше. Тысячи... И на каждом, словно вытянувшись во фрунт, лежало тело. Голубоватое, неподвижное, жуткое в своей одинаковости.

Я поднёс руки к лицу, желая протереть глаза, и застыл, словно громом поражённый.

Кожа на моих ладонях имела тот же оттенок. Голубой. Ровный, насыщенный цвет, будто меня перекрасили на генетическом уровне. Или пропитали медным купоросом. Я с остервенением потёр запястье, надеясь стереть это наваждение, содрать плёнку. Бесполезно. Это была моя кожа. Под ногтями – та же синева.

Дыхание перехватило. Я заставил себя сделать выдох и включил режим аварийного анализа. Эмоции – за борт. Только факты.

Пункт первый: местоположение неизвестно, характер враждебный. Пункт второй: амнезия ретроградного характера. Момент прибытия стёрт. Пункт третий: массовое скопление биологических объектов. Статус объектов – уточняется. Пункт четвёртый: изменение пигментации кожных покровов. Причина – неизвестна (химия? мутация? смерть?). Пункт пятый: когнитивные функции сохранены. Я задаю вопросы, значит, я существую.

Слово «смерть» промелькнуло в сознании буднично, как название станции метро. Мозг блокировал истерику. Он, видимо, решил, что мы разберёмся с фактом кончины позже,

а сейчас надо проверить, гнутся ли колени.

Я огляделся уже с пристрастием. Картина напоминала полотно Босха, если бы тот увлекался минимализмом и санитарией. Вокруг начиналось шевеление. Несколько фигур на соседних столах тоже предпринимали попытки восстать. Кто-то сидел, обхватив голову руками и раскачиваясь, кто-то яростно драл с себя плёнку, издавая те же трескучие звуки. Движения у всех были угловатые, ломаные, марионеточные. Казалось, кукловод ещё не вполне натянул нити. Десятки просыпались, но сотни и сотни продолжали лежать неподвижными брусками. Уложены они были с пугающей аккуратностью. Порядок, доведенный до абсурда.

Справа донёсся звук – сдавленный женский всхлип, перешедший в сиплый шёпот:

– Господи... Иисусе...

Ей ответил мужской голос, грубый, как тёрка:

– Цыц. Не ори. Дуру не включай, сначала нужно понять...

Диалог оборвался. Люди говорили едва слышно, словно боялись потревожить невидимого надзирателя или само пространство, давящее тишиной.

Я сделал усилие, пытаюсь пробить стену в памяти. Что было «до»? В голове, как на киноплёнке, мелькнул единственный кадр взлётной полосы. Металл педалей под подошвами. Вибрация корпуса, переходящая в позвоночник. Гул турбин, набирающих мощь. Секунда абсолютной уверенности пилота, слившегося с машиной. А потом – чёрный провал. Мон-

тажная склейка. И вот этот морг.

Воздух был чужим. Стерильным, без запаха гари или масла. Химически чистый и оттого мертвенный. Это открытие царапнуло неприятнее всего. Если воздух чужой, значит, я далеко от дома. Очень далеко.

Я сглотнул вязкую слюну. Жажда сушила горло так, что язык казался куском наждачной бумаги. Холод пробирался глубже, под кожу, пытаясь добраться до костей, и тело мелко вибрировало, но на полноценную дрожь энергии не хватало. Батарейка разряжена, мигает красная лампа.

Взгляд скользнул вниз, и я отметил ещё одну деталь, довершающую картину унижения. Я был полностью голый. Абсолютно. Ни лоскута ткани. На холодном металле стола нагота ощущалась особенно остро и мерзко. Словно меня раздели не для осмотра, а для того, чтобы подчеркнуть мою полную незащитность, низвести до состояния лабораторной крысы. Кто и зачем это сделал – вопрос вторичный. Сейчас нужно прикрыть тылы.

Рядом, у самого края стола, обнаружился свёрток. Аккуратная стопка серой материи. Штаны, куртка, нечто вроде мягких ботинок. Никаких знаков различия, никаких бирок или швов, ни намёка на индивидуальность. Униформа заключённого или пациента.

Я потянулся к одежде. Ткань оказалась на ощупь синтетической, но тёплой – или же мои пальцы остыли настолько, что любой предмет казался сейчас тёплым. Запаха не было.

Вообще. Это сбивало с толку. Любая одежда, даже новая, пахнет складом, краской, пылью. Здесь же только вакуумная пустота.

Одевался я быстро, армейским методом, без лишних движений. Рывок – штанина, рывок – рукав. Тело, начав согреваться и почувствовав защиту, стало слушаться охотнее. Одежда возвращала не только тепло, но и крохи человеческого достоинства. Когда ты одет, ты уже не просто кусок мяса, ты единица. А единица может бороться. Контроль возвращался по капле.

Спрыгнуть со стола оказалось задачей нетривиальной. Ноги, коснувшись пола, подогнулись, словно были сделаны из резины. Я удержался чудом, вцепившись в край столешницы до побеления в костяшках. Выдохнул. Выровнял горизонт. Слева от меня кому-то повезло меньше. Оттуда донёсся глухой удар, сдавленное ругательство, звук падения тела на покрытие пола. Я не обернулся. Сначала необходимо обеспечить свою устойчивость, потом помогать другому. Или не помогать... По обстоятельствам.

Пол был под стать столам – тёмный, гладкий, матовый, поглощающий скудный свет. Зал подавлял своими масштабами. Потолок терялся где-то в вышине, в сумраке, и казалось, что над нами не крыша, а низкое, грозное небо чужой планеты. Это был ангар для титанов, не рассчитанный на человеческое восприятие.

Я сделал пробный шаг. Потом второй. Внутри всё вопи-

ло: «Действуй! Беги! Ищи оружие!». Инстинкты требовали немедленной активности. Найти выход. Найти воду. Найти хоть что-то, чем можно ударить. Но разум осадил панику. Вокруг слишком много людей. Любой резкий крик, любой бег спровоцирует лавину. Толпа в панике страшнее любого врага будет. А здесь, судя по всему, наши травмы никого не волнуют.

Я подошёл к ближайшему телу, которое так и не шелохнулось. Молодой мужчина. Лицо спокойное, расслабленное, словно он смотрит приятный сон. Голубая кожа делала его похожим на статую из странного мрамора. Я приложил два пальца к сонной артерии – жест, въевшийся в подкорку ещё с курсов по неотложной помощи.

Тишина.

Ни толчка, ни ниточки пульса. Я выждал пять секунд. Десять. Переместил пальцы. Пустота. Под кожей не было тока крови.

Я шагнул к следующему столу. Женщина. Совсем юная девушка, почти девочка. Та же поза, та же безмятежность. Проверка пульса – отрицательно. Грудная клетка не вздымается. Зрачки проверять не стал, и так ясно.

Третий. Четвёртый.

Внутри начало подниматься тяжёлое, тёмное чувство безысходности, но я гасил его механическими действиями. Проверка – результат. Проверка – результат. Если я сейчас начну рефлексировать, оплакивать или ужасаться, меня сметёт. Я пока и сам живой только условно.

– Они... они мёртвые? – голос прозвучал совсем рядом, дрожащий, ломкий.

Я медленно повернул голову. Девушка. Тоже синяя, как и все мы. Тоже в серой пижаме, которая висела на ней мешком. Глаза на лице казались огромными озёрами ужаса. Она смотрела на меня с надеждой, словно я был профессором

медицины, способным объяснить необъяснимое.

– Не знаю, – ответил я ровно. Собственный голос показался мне чужим – хриплым, каркающим, будто горло забито песком. – Но дыхания нет. Сердцебиения нет.

Она судорожно сглотнула. Мои слова ударили её сильнее, чем молчание. Ей нужна была ложь. Утешение. «Они просто спят, милая». Но у меня не было утешений. У меня не было их даже для самого себя.

– Мы... Мы где? – спросила она, обхватив себя руками за плечи.

– Пока не понял.

Я отсёк лишнее. Я не стал говорить про свои догадки о морге, о космическом корабле или чистилище. Ей нужна была опора, монолит. А я сам стоял на зыбучем песке.

Она отступила на шаг, отвернулась, плечи её затряслись. Плачет. Навзрыд. Я не стал ей мешать. Людям в состоянии шока нужно личное пространство, чтобы собраться или, наоборот, развалиться на части.

Сам же я снова переключился на анализ. Привычка пилота, сидящая в спинном мозге, в любой непонятной ситуации считай. Цифры не лгут. Цифры успокаивают. Я начал оценивать интервалы. Расстояние между рядами – полтора метра. Ширина прохода – два. Высота столов – стандарт. Разброса нет, хаоса нет. Столы стоят, как солдаты на плацу.

Это не свалка трупов. Это хранилище. Или сортировочный пункт. От этой мысли захотелось расхохотаться диким

смехом, но я сдержался.

Я провёл ладонью по своим рёбрам, ключицам, шее. Быстрый самоосмотр. Боли нет, кроме общей мышечной ломоты. Свежих ран нет. Переломов нет. Дыхание, хоть и хрипловое, но ровное, без бульканья – лёгкие чисты. Голова гудит, как колокол, но не кружится, координация восстанавливается. Значит, внутреннего кровотечения нет. Сердце колотится, но держит ритм.

Я перебирал эти факты, как чётки. Живой. Целый. В сознании. Вменяем.

Это мой стартовый капитал. Ничтожно малый для такой ситуации, но достаточный, чтобы начать партию. Я выпрямился, расправил плечи, чувствуя, как хрустят позвонки, и посмотрел в серую даль зала, где в сумраке копошились другие такие же синие, растерянные фигуры.

Я попытался выудить из памяти собственное имя. Оно ускользало, дразнило, пряталось в мутном тумане, заполнившем черепную коробку. Я замер, прислушиваясь к мыслям, и вдруг поймал его – чётко, как радиосигнал сквозь атмосферные помехи.

Арсений.

Моё имя. Не чужое, не навязанное извне. Фамилия маячила размытым пятном, однако я не стал за неё цепляться. В нынешнем, весьма сомнительном положении, одного имени было достаточно, чтобы удержаться на поверхности бытия и не скатиться обратно в небытие. Оно стало первым колыш-

ком, вбитым в зыбкую почву реальности.

Следом всплыло ещё одно слово, короткое и ёмкое. Тимофей. Тима. Напарник. В памяти не возникло ни лица, ни голоса, лишь ощущение надёжного плеча рядом, запах гари и пыли, да смутное воспоминание о том, как он вытаскивает меня из-под обстрела. Я машинально скользнул взглядом по бесконечным рядам столов, теряющимся в серой мгле, во-все не надеясь увидеть знакомый профиль. Здесь, в этом колоссальном покойницком зале, тел было слишком много – легион, армия безмолвных кукол. Но сам факт наличия этого имени в голове был архиважен. Это означало, что память мне не ампутировали окончательно, а лишь временно контузили.

Тишину нарушил сдавленный, жалкий всхлип. Где-то совсем рядом, справа. Затем звук был грубо подавлен, словно кто-то зажал себе рот ладонью. С другой стороны раздался смех – высокий, тонкий, дребезжащий, балансирующий на грани безумия, и тут же оборвался, захлебнувшись. Люди просыпались нестройно. Этот процесс напоминал включение старой люстры с плохими контактами. Вот одна лампа вспыхнула и горит ровно, вторая мигает, третья едва тлеет, а четвёртая остаётся тусклой, будто её забыли подключить к сети.

Инструкции... Вот чего здесь катастрофически не хватало. В любой, даже самой скверной ситуации, у человека должен быть циркуляр. Или устав. Или хотя бы записка на тум-

бочке. Здесь же царил административная пустота.

Я вновь подошёл к одному из неподвижных тел. Брежливость, если она и была, уступила место холодному исследовательскому интересу. Лежащий передо мной субъект обладал теми же голубыми кожными покровами, что и я. Те же фиолетовые ногтевые пластины. Рядом – аккуратная стопка серой, унизительно казённой одежды. Никаких знаков различия. Положение головы строго по оси тела. Казалось, нас выключили централизованно, повернув один гигантский рубильник.

Мысль «а вдруг это сон» даже не постучалась в сознание. Сновидения не обладают такой плотностью. Сон не давит могильным холодом, от которого стынет костный мозг. Сон не оставляет во рту мерзкого привкуса окислившегося металла и режущей жажды, которая скребёт глотку изнутри. Реальность, сколь бы абсурдной она ни была, всегда имеет вес и запах.

Я склонился над телом, чтобы провести более пристальный осмотр. Приложил пальцы к шее, туда, где должна биться жилка жизни. Пустота. Грудная клетка не вздымалась. Кожа на ощупь была холодной, но не ледяной, как у свежего покойника, пролежавшего на морозе, а просто остывшей, как у механизма, который давно не запускали. Я выпрямился, ощущая, как хрустнули суставы, и заставил себя отойти. Я не доктор, не маг и не священник. Я не могу вдохнуть в них душу. Моя задача сейчас прагматична и эгоистична: не стать

следующим экспонатом в этом музее восковых фигур.

Глава 2

– Эй... – робкое прикосновение к рукаву заставило меня обернуться.

Передо мной стоял парень, примерно моих лет. Лицо его выражало крайнюю степень растерянности, глаза были стеклянными, как у чучела. Он держался так, словно всё ещё ждал, что сейчас включится свет, войдёт конференсье и объявит, что всё это – грандиозный, хотя и дурного вкуса, розыгрыш.

– Слушай... ты... ты военный? – спросил он шёпотом.

Вопрос был задан не из-за одежды – мы все были в одинаковых пижамах. Он считал поведение. Люди, охваченные паникой, обладают звериным чутьём на тех, кто сохраняет внутренний стержень и не рассыпается в труху.

– Был... – ответил я коротко.

К чему вдаваться в биографические подробности в аду?

– Что нам делать? – в его голосе звучала мольба о команде.

Ему не нужна была правда, ему нужен был приказ.

Я посмотрел на него тяжело, без жалости.

– Дышать, – отчеканил я, выделяя каждое слово. – Оставаться на ногах. Не бегать. Смотреть, что делают другие, но не повторять их глупостей.

Это была простейшая инструкция, примитивный алгоритм выживания, но он сработал. Парню нужна была соло-

минка, и я ему её протянул. Он кивнул, судорожно, будто получил директиву из генштаба, и это немного его собрало.

– Спасибо... – выдавил он и отступил, словно опасаясь, что благодарность сделает его уязвимым, или что я потребую плату.

Я снова окинул взглядом зал. Картина менялась. Хаос начинал приобретать структуру. Некоторые «пробужденные» уже оделись и брели к дальнему краю, сбиваясь в кучи. Стадный инстинкт – великая сила. Другие всё ещё сидели на столах, тупо разглядывая свои синие ладони. Один мужчина, совсем рядом, трясся крупной дрожью, зубы его выбивали чечётку, и никто не подходил к нему. Страх, как известно, заразен похлеще чумы.

Стоять истуканом было бессмысленно. Остаться на месте в пространстве, где нет укрытий, – тактическая ошибка. Я сделал несколько шагов вдоль ряда, проверяя мышечный тонус. Ноги слушались всё лучше, походка обретала былую упругость. В голове прояснялось, но эта ясность была неприятного свойства. Пришло понимание, что это место построено с инженерной точностью и дьявольским умыслом. Мы здесь не случайно. Мы – инвентарь.

Я остановился и поднял взгляд к потолку, пытаюсь обнаружить следящие устройства, камеры, объективы – хоть что-то, свидетельствующее о наличии наблюдателя. В сумраке, разбавленном серой мутью, было трудно различить детали. Свет здесь не подчёркивал предметы, он их скрадывал, де-

лал плоскими. Это тоже было частью замысла – лишить нас объёма, превратить в тени.

– Вы... вы видели выход? – снова тот же женский голос.

Та самая девушка, что подходила ко мне раньше. В той же серой пижаме, которая висела на ней мешком. Голос её звучал чуть тверже, но в нём всё ещё слышалась готовая прорваться истерика.

– Там двери, – я кивнул в сторону едва различимого проёма вдали.

Она проследила за моим взглядом и зажмурилась, словно вид выхода пугал её больше, чем нахождение здесь.

– А если там... – начала она и осеклась.

– Если там что-то плохое, – перебил я спокойно, – оно и здесь нас найдёт. Стены не спасут.

Я хотел, чтобы она отбросила эту детскую иллюзию: «если я закрою глаза и не буду двигаться, чудовище исчезнет». Опасность не исчезает. Она обладает скверной привычкой приходить сама, без приглашения.

Девушка судорожно кивнула и поспешила к группе, формирующейся ближе к центру зала. Там уже образовывалось нечто вроде стихийного митинга или стада овец перед грозой. Люди тянулись друг к другу, надеясь, что коллективное тепло защитит их от одиночества смерти. Это было понятно с точки зрения психологии, но крайне опасно с точки зрения тактики. Толпу легко сорвать в панику, толпа неуправляема и слепа.

Я прислушался к собственному дыханию. Оно было слишком громким в этой ватной тишине. Я усилием воли замедлил ритм, сделал вдохи глубже и тише. Так я делал в кабине пилота, когда понимал, что волнение отвлекает от приборов. Забавная вещь – рефлексы. Они сохраняются даже тогда, когда кабины больше нет, а вместо ручек управления в руках пустота.

Вспомнились секунды перед тем самым взлётом. Никакой романтики, никакой поэзии полета. Только сухая выверенная работа предполётной подготовки и ответственность за машину и груз.

И в этот самый момент, словно в подтверждение моих мыслей, под сводами гигантского зала раздался голос. Он был мягким, бархатным, но достаточно громким, чтобы проникнуть в каждый угол. Он звучал не как приказ тюремщика, а как вежливое приглашение распорядителя на балу, произнесённое с той интонацией, будто оно звучит здесь вечно.

Слова слились в неразборчивый гул, смысл дошел с опозданием. Суть была проста и категорична: двигайтесь за стрелками.

Я опустил взгляд.

Чёрный матовый монолит пола вдруг ожил. Прямо под ногами, разрезая сумрак, загорелась тонкая фосфоресцирующая линия. Стрелка. Чёткая. Уверенная. Безжалостно геометрическая. Она указывала направление вглубь зала, и от этого зрелища внутри всё неприятно сжалось. Потому что,

когда тебе рисуют стрелку, это значит только то, что ты здесь не гость. Ты здесь не субъект. Маршрутная единица. Груз.

Я выдохнул сквозь стиснутые зубы и заставил себя сделать ещё один вдох. Потом ещё. Воздух по-прежнему драл горло. Холод никуда не делся, он впитался в кости. Жажда сушила язык. Но теперь у происходящего появилась хоть какая-то, пусть и зловещая, структура. В хаосе возник вектор.

Я не сорвался с места, подобно испугнутому зайцу. Я выждал паузу. Пусть те, кто торопится, пройдут первыми. Я наблюдал, как несколько человек впереди неуверенно сделали первые шаги, словно прощупывая лёд. Они убедились, что пол не разверзается под ногами, что стрелка не ведёт прямым в преисподнюю, и ускорили шаг.

Только тогда я двинулся следом. Я держался чуть в стороне от основной массы, соблюдая дистанцию. Так легче обзреть периметр и легче отступить, если толпа вдруг решит ломануться назад в паническом припадке.

Шагая по этому светящемуся следу, я ещё раз покатали на языке своё имя. Чтобы не раствориться в этом холодном, враждебном сумраке, чтобы не стать очередным безликим манекеном, аккуратно уложенным на стол. Здесь, похоже, ценят порядок и симметрию. И если ты сам не будешь держаться за себя зубами, тебя уложат в этот порядок силой, присвоят инвентарный номер и забудут.

И я, не оглядываясь на ряды мертвецов, пошёл за стрелкой. Однако внимание моё было приковано отнюдь не к

маршруту. Куда интереснее, да и полезнее для выживания, было наблюдать за публикой. Реакция человеческого стада на неизвестность была куда интересней.

Тех, кто хватался за светящуюся линию, точно утопающий за брошенную с палубы доску, я вычислил мгновенно. Плечи ссутулены, шеи втянуты, взгляды приклеены к полу, шаг мелкий, семенящий, сбитый с ритма страхом. Другая порода – «мыслители» – пыталась изобразить работу интеллекта там, где требовались лишь рефлексы. Они тормозили, озирались, картинно замирали, словно надеясь вступить в торговлю с фатумом. Безнадёжное дело. Я держался особняком. Не из гордыни, а из холодного расчёта. Толпа в замкнутом объёме – это пороховая бочка, где фитилём служит первый же истошный вопль. А паника в таких декорациях превратит нас в бесформенное месиво за считанные секунды.

Коридор раздался вширь, превзойдя мои ожидания. Сделано это было не ради нашего комфорта, а исключительно ради пропускной способности. Стены – гладкие, матовые, лишённые швов, стыков и привычной глазу проводки. Материал напоминал некий сложный композит, матовый и лишённый глянца. Свет лился полосами с потолка – мягкий, хирургически холодный, не отбрасывающий теней. Такой свет не для уюта. Он для контроля. Под ним не утаишь и булавки, но и рассмотреть что-либо в деталях невозможно – взгляд скользил, не цепляясь за детали.

Я задрал голову, пытаясь обнаружить камеры. Никаких

«глазков» на кронштейнах. Отсутствие явного наблюдения говорило громче любых объективов. Если за нами и следят – а в этом я не сомневался ни секунды, – то система надзора встроена в саму структуру стен. Строитель этого каземата давно перерос уровень примитивной видеофиксации.

Воздух стал суше, напоминая атмосферу в склепе с хорошей вентиляцией. В горле заскребло, появился привкус песка, который не желал исчезать. Жажда вновь заявила о себе, пробиваясь через пелену шока. Организм – существо примитивное, он расставляет приоритеты без философских изысков. Сперва нужна вода, а потом мы поразмыслим над смыслом бытия. Поймав себя на желании облизнуть пересохшие губы, я жёстким усилием воли запретил руке тянуться к лицу. Дисциплина начинается с мелочей. Стоит позволить себе малую слабость, и она, как ржавчина, разъест изнутри всю волю.

Процессия двигалась молча. То есть, рты у многих шевелились, но звуки не складывались в человеческую речь. Обрывки фраз, бессвязный шёпот, жалкие попытки нащупать контакт. Где-то в авангарде один и тот же женский голос бубнил мантру: «Этого не может быть...» И всякий раз обрывал фразу, страшась произнести логическое завершение. Я не лез с утешениями. Сейчас не время для этого. Мне самому понять бы, где я и кто я.

Стрелка на полу вела себя подозрительно разумно. Заметил я это не сразу, но вскоре уловил закономерность: сто-

ило потоку растянуться, как пульсация линии замедлялась, деликатно подгоняя отстающих. Когда же толпа сбивалась в кучу, свет становился ровным, успокаивающим, не провоцируя давку. Слишком сложно для аварийной навигации. Мы имели дело с Системой. А Систему проектировали те, кто прекрасно разбирается в психологии масс.

Коридор повёл нас плавной дугой, затем ещё одной. Ни единого прямого угла. Проектировщики избегали узких мест, где мог возникнуть затор. Следовательно, это не случайный склад и не временный отстойник. Это сооружение – конвейер, заточенный под «поток». Мысль о том, что нас уже классифицировали как единицу пропускной способности, царапнула по нервам.

Спустя несколько минут мы вывалились в новый зал. Он уступал размерами тому циклопическому моргу со столами, но именно здесь меня посетило отчётливое чувство прибытия на «сортировочный пункт». Узел. Место, где прибывший груз регистрируют, штемпелюют, выдают инвентарь и отправляют по назначению.

Потолок здесь нависал ниже. Свет бил ярче и беспощаднее. Воздух окончательно потерял влажность, став стерильным до тошноты. Вдоль стен, облицованных всё тем же матовым материалом, выстроились ряды модулей. Сперва я принял их за шкафы, но, приглядевшись, понял: автоматы. Их было много. Непозволительно много для нашей горстки. Значит, мы здесь не первые и, увы, не последние.

Модули стояли, как стойки в гигантском центре выдачи пайков. Перед каждым устройством пол менял фактуру на более светлую – чётко обозначенное место для ног. Встань здесь. Стой ровно. Не толкайся. Система желала считать нас без помех. Даже такая мелочь была предусмотрена неведомым администратором.

В дальнем конце зала возвышалась платформа. Не трон, но постамент, достаточный, чтобы стоящий на нём доминировал над залом. Вместо привычных ступеней к ней вёл пологий пандус – деталь, сразу намекнувшая, что архитектор, возможно, имел иные анатомические предпочтения, нежели хождение по лестницам. Я мысленно поставил ещё одну галочку в реестре странностей.

Путеводная нить погасла ровно в тот миг, когда последний бедолага переступил порог зала. Не раньше, не позже.

Повисла тяжёлая тишина. Секунды тянулись, как резина. Кто-то грязно выругался. Кто-то всхлипнул, давясь слезами. Один из «мыслителей» набрал воздуха, явно собираясь потребовать объяснений, но голос его дал петуха и сорвался. Люди жаждали инструкции. Человек – существо социальное, когда его мир рушится, он требует, чтобы ему объяснили правила игры, пусть даже самые людоедские.

И инструкция была явлена.

Голос прозвучал без видимых динамиков, словно сама атмосфера решила заговорить. Он не давил децибелами, но заполнял собой всё пространство без остатка. Тон ровный, су-

ховатый, лишённый театральности. Так говорит прораб на стройке или начальник тюремного блока – тот, кто привык повелевать и не нуждается в любви подчинённых.

– Стоим. Не лезем. Не трогаем.

Я поднял взгляд к платформе.

Там стоял тот, кого земные фантасты окрестили бы «орком», будь мы в дешёвом романе. Однако слово это отдавало детской сказкой, а передо мной была реальность, причём весьма прозаичная. Он не выглядел ни чудовищем, ни гротескной карикатурой. Он выглядел... слишком реально и функционально.

Рост – чуть выше среднего человеческого, но ширина плеч и объём грудной клетки таковы, что любой из нас рядом с ним показался бы чахоточным юношей. Мощные руки, крупные кисти с короткими, похожими на сардельки, но невероятно сильными пальцами. Ноги казались коротковатыми для такого торса, но стоял он монументально, будто врос в пол корнями. Грубо вылепленное лицо: пяточок вместо носа, выступающие клыки, массивные надбровные дуги, жёсткая шерсть, тронутая сединой. Маленькие глазки смотрели ясно и цепко. В этом взгляде я не прочёл ни кровожадности, ни сострадания. Так смотрит опытный кладовщик, оценивающий партию товара. Мы для него не люди, а потенциальные проблемы, которые надо рассортировать.

Одет он был в синюю форму из плотной ткани. Не в парадный мундир с аксельбантами, а во что-то вроде рабочей

спецодежды. Сидела она на нём как влитая, сшитая явно по мерке этого конкретного тела, а не выданная со склада «на вырост».

– Имя моё – Коль, – произнёс он, и каждое слово падало в тишину, как булыжник. – Я представляю колониальную администрацию Империи Лубасири.

Он сделал паузу, мастерски давая информации время проникнуть в наши контуженные мозги. И это было верно. Шокированное сознание переваривает факты кусками. Если вывалить всё сразу – стадо впадёт в истерику.

– Для вас я ближайшее начальство. Для некоторых – единственное.

Взгляд Коля прошелся по залу, подобно лучу прожектора. Он не задерживался на лицах, лишь фиксировал общую температуру по палате. Чувствовалось, что эту процедуру он проделывал сотни раз, и она ему смертельно наскучила.

– Сейчас у вас много вопросов, – продолжил он тем же будничным тоном. – Где вы. Кто вы. Почему ваша внешность изменилась. Почему часть тех, кого вы видели в зале пробуждения, осталась лежать на столах.

Он не произнёс слово «умерла» сразу. Он подводил к этому, как опытный врач к диагнозу. Даже презирая нас – а он нас, несомненно, ни во что не ставил – он знал психологию. Он понимал, как удержать толпу на грани срыва.

– Короткий ответ на все эти вопросы – вы умерли, – припечатал он спокойно.

Слова эти повисли в воздухе, плотные и осязаемые. В наступившей гробовой тишине стало слышно, как кто-то судорожно вдохнул, едва не подавившись собственным ужасом. Где-то сбоку прошелестело жалкое: «Нет...» и тут же захлебнулось.

Я удержал на лице маску безразличия.

«Умерли».

Слово прозвучало не как приговор, а как медицинский факт, констатация очевидного. Эта гипотеза уже пустила корни в моей голове, и теперь её просто озвучили вслух, причём без всякого пафоса.

– Все, – добавил Коль, и голос его лязгнул, как затвор. –

Разница лишь в том, что часть из вас, так сказать, выиграла в лотерею. Получила вторую попытку.

Сзади кто-то сорвался на визг:

– Какую ещё, к чёрту, попытку?! Это что, ад?!

Коль повернул голову. Медленно, с ленивой грацией хищника, которого побеспокоила муха. Одно это движение мгновенно заткнуло половину зала, будто выключили звук.

– Ад, – проговорил он, – это ваш культурный миф. А здесь у нас – производственная необходимость.

Глава 3

Он чуть склонил массивную голову, словно объяснял прописные истины ребёнку.

– В момент вашей биологической смерти вас перехватили. Перенесли на борт специализированного судна. У нас некоторые такие корабли называют поэтично – «ловцы душ», но прозы здесь куда больше. На борту фиксируют психоматрицу разумного существа. Вашу личность. Ваш уникальный набор реакций. Ваше драгоценное «я»...

Он говорил об этом так, словно речь шла о файле, о магнитофонной записи, о мешке с картошкой. О товаре.

– После фиксации вас загрузили в клонированные тела, – продолжил он тем же ровным тоном. – Те самые, в которых вы сейчас и пребываете. Можете снова дышать и задавать глупые вопросы.

По залу пронёсся шелест. Люди инстинктивно начали ощупывать себя. Кто-то шарил по затылку, ища несуществующий шов, как Франкенштейн. Я тоже поймал себя на порыве проверить черепную коробку, но вовремя одёрнул руку. Проверки – потом. Сейчас важнее уяснить правила игры.

– Да, – кивнул Коль, словно подслушав наши мысли. – Эти тела не имеют отношения к вашим прежним. Да, они – собственность Империи. И да, это не благотворительный дар.

Он выдержал тяжёлую паузу.

– Это контракт.

Слово упало в тишину, как кузнечный молот на наковальню.

– Вы – граждане с ограниченными правами, – пояснил Коль. – Пятьдесят стандартных лет вы обязаны служить колониальной администрации Империи Лубасири. Пограничные территории. Освоение. Добыча ресурсов. Инфраструктура. Сельское хозяйство. Транспорт. Ремонт. Словом, всё, что обеспечивает жизнедеятельность и рост Империи.

Он перечислял это монотонно, без тени эмоций. И именно это спокойствие леденило кровь сильнее любых угроз. Эмоции можно списать на дурной нрав. Спокойствие – это признак отлаженной системы.

Кто-то рядом со мной выдохнул:

– Пятьдесят лет... это же... целая жизнь!

Я промолчал. У соседа не было конкретного собеседника, он просто стравливал давление. Вступи я в диалог – он вцепится в меня мёртвой хваткой, ища утешения, которого у меня нет.

Коль поднял тяжёлую ладонь.

– Прежде чем вы начнёте истерить, – произнёс он, чуть повысив голос, – уясните главное. Взамен вы получаете жизнь. Питание. Воду. Обучение. Медицинский минимум. И вполне реальный шанс дожить до окончания контракта.

Губы его тронула усмешка, больше похожая на оскал.

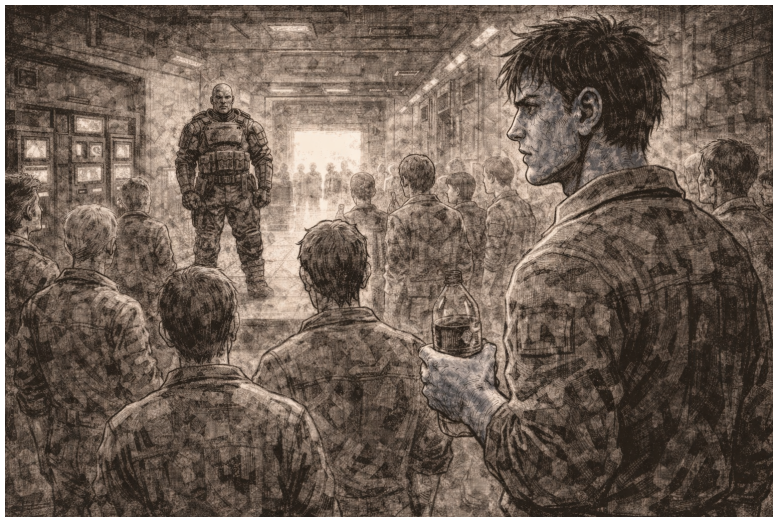
– Это несоизмеримо больше, чем получили те, кто остался

лежать в зале пробуждения.

Сзади снова раздался робкий голос:

– А почему они... почему они не проснулись?

– Потому что их психоматрицы оказались непригодными, несовместимыми или бракованными, – отрезал Коль, не меняя тона. – Или потому что их новые тела отторгли запись. Или потому что запись попросту не успели сделать. Бывает.

Он произнёс это до того буднично, что у меня внутри что-то щёлкнуло. Не жалость, нет. Холодный расчёт. Это производственный процесс, и в нём неизбежен процент брака. Мы – та партия, что прошла ОТК.

– Вы здесь не из милосердия, – добил Коль. – Империя не

занимается благотворительностью. Но Империя ценит эффективность.

Он окинул нас взглядом, в котором читалась лишь оценка инвентаря.

– Клоны без записи – пустышки. Живут недолго, обучаются скверно, адаптируются ещё хуже. Они не окупают вложений. Развитая психоматрица делает клон рентабельным. Вы – полезный актив.

Слова «вы полезны» прозвучали как окончательный диагноз.

Затем Коль кивнул на ряды автоматов вдоль стен.

– Теперь к быту, – сказал он. – Сначала вы перестанете подыхать от жажды, а потом дослушаете остальное.

В зале кто-то нервно хохотнул. Смешок был коротким и тут же оборвался, захлебнувшись в тишине. Люди поняли, что это не шутка юмора, а новые правила новой здешней жизни.

Коль шагнул к ближайшему модулю и приложил к нему широкую ладонь. Экран ожил, на нём замелькали незнакомые символы, но смысл их был предельно ясен. Аппарат сообщал о готовности, ожидании, выдаче.

– Подходите по одному, – скомандовал он. – Автоматы вас опознают. Не пытайтесь украсть. Не пытайтесь присвоить чужое. Не пытайтесь ломать казённое имущество. У всех устройств есть защита, и поверьте, она вам не понравится.

– Какая защита? – рискнул спросить кто-то из толпы.

Коль медленно повернул голову.

– Такая, после которой вы снова ляжете горизонтально, – ответил он. – И на этот раз без права на вторую попытку.

Тишина стала звенящей. Даже самые буйные вдруг обрели дар благоразумия.

– Ежедневный рацион: три пищевые таблетки, три порции воды, – чеканил Коль. – Порция воды – поллитра. Таблетки – концентрат. Вкус – дрянь, но организм поддержит.

Он указал на нишу в нижней части автомата. Там с негромким жужжанием выдвинулся лоток, в котором стояли три прозрачных контейнера и лежали три серых брикета.

Слюна во рту так и не появилась. Жажда превратилась в пытку. Я понял, что если сейчас не получу влагу, мозг начнёт бунтовать, а мне нужна ясность. Кристальная ясность.

Толпа качнулась к автоматам. Кто-то рванул слишком резко, почти бегом. Коль вскинул ладонь, и этот жест, словно шлагбаум, отсёк порыв.

– По одному, – повторил он с металлическими нотками. – Я сказал... По одному.

И что-то в его интонации заставило даже самых дёрганных попятиться.

Первые робко приблизились к модулям. Экран мигнул, лоток выехал, и человек схватил воду, прижав её к груди, как величайшее сокровище. Он сорвал крышку дрожащими пальцами и начал пить, жадно, захлебываясь, проливая драгоценную влагу на подбородок, на грудь, на серую робу. Он

давился, кашлял, но не останавливался.

Коль не вмешивался. Он стоял истуканом, наблюдая. Он позволял им совершать ошибки. Это тоже было частью системы жёсткого обучения. Пусть подопечный сам убедится, что захлебнуться можно и без посторонней помощи.

Следом пошла девушка. Она открыла контейнер аккуратно, пила маленькими глотками, смакуя каждую каплю. Я отметил про себя, что у неё больше самообладания. Или меньше паники. Или, возможно, опыт выживания богаче, чем кажется на первый взгляд.

Я сделал шаг вперёд, но не спешил занимать очередь. Мне нужно было увидеть алгоритм. Как именно происходит «опознание»? Что мелькает на экране? Есть ли звук? Сколько времени уходит на процедуру?

Символы, пауза, лоток. Три-четыре секунды. Быстро. Значит, база данных уже загружена. Нас «посчитали» ещё до того, как мы разлепили веки. Это было предсказуемо, но от того не менее гадко.

Коль снова подал голос, не прекращая сканировать толпу тяжёлым взглядом.

– Жить будете в капсулах, – объявил он. – Ячейки. Минимум удобств. Сон. Гигиена. Хранение личного барахла.

Он криво усмехнулся.

– Впрочем, личного барахла у вас пока нет. И вряд ли будет много.

Кто-то осторожно поинтересовался:

– А... одежда? Это... всё, что нам положено?

Коль скользнул взглядом по серому балахону спросившего и кивнул.

– Пока всё, – подтвердил он. – Вам не нужна мода. Вам нужен ресурсный режим.

Слова эти падали в сознание тяжёлыми бетонными блоками. Ресурсный режим. Поток. Капсулы. Автоматы.

– Обучение начнётся, как только вы придёте в норму, – продолжил надзиратель. – Процесс автоматизирован. Виртуальная среда. Практика. Экзамены. Для зачёта достаточно выполнить нормативы. Но для дальнейшего распределения важны оценки.

Он излагал это как бизнес-план. И, странное дело, от этой деловитости стало чуть легче. Бизнес-план – это структура. А со структурой можно работать, в ней можно найти лазейки.

– Те, кто не потянет учёбу, – добавил он веско, – получат иное назначение.

Из глубины зала донёсся тихий, испуганный вопрос:

– Какое назначение?

Коль ослабился. В этой гримасе не было радости, лишь демонстрация анатомии. Желтоватые клыки сверкнули, как кинжалы.

– Военное, – проговорил он с интонацией, с какой мясник говорит о свежей туше. – Империя необъятна. Где-нибудь непременно стреляют, что-то взрывают, кого-то множат на

ноль. Солдат требуется прорва. В особенности тех, кого не жаль списать в расходную статью бюджета.

Фраза эта была брошена неслучайно. Он, подлец, вколачивал её, как гвоздь в крышку гроба. Он не угрожал, нет. Он разъяснял правила общежития. Логика его была убийственно проста и оттого действенна. Если вы не справляетесь с ролью винтика в тылу – пойдёте туда, где винтики перемазывают в труху в промышленных масштабах.

Я сохранил лицо каменным. Даже внутри, в самой глубине души, где клочкотала ярость, я не позволил ей вырваться наружу. «Умерли». Это слово прозвучало не как трагедия, а как сухой канцелярский факт, подшитый в папку «Дело № ...». Гипотеза эта уже сидела в моей голове занозой, теперь же её просто подтвердили печатью.

Очередь зашевелилась. Зрелище было отвратительным. Клоны жадно глотали воду, давились серыми таблетками, пытаясь разжевать их. Безвкусная прессованная химия. Лица кривились от омерзения, но челюсти и глотки работали исправно. Кто-то заглатывал паёк не глядя, с животной поспешностью, лишь бы наполнить пустую утробу.

Когда передо мной освободилось пространство, я шагнул к модулю. Встал на светлый квадрат, чувствуя подошвами едва уловимую вибрацию – датчики, не иначе. Бездушная машина ощупывала меня, взвешивала, сверяла с реестром. Экран ожил, мигнул, выплюнул строку непонятных символов. Я не знал языка, но смысл был кристально ясен. Моя

личность подтверждена, инвентарный номер опознан.

Внутри поднялась волна холодной, расчётливой злости. Не на клыкастого цербера на платформе. На само мироздание. Меня уже учли. Меня посчитали, взвесили и определили в графу «активы». Даже имя моё теперь, вероятно, лишь набор байтов в чреве их вычислительной машины.

С тихим жужжанием выдвинулась ниша.

Я сгрёб контейнеры с водой. Три штуки, близнецы-братья. Пластик сухой, без росы конденсата – значит, температура жидкости равна температуре окружающего воздуха. Экономия энергии. Взял упаковки с таблетками. Серая, безликая плёнка, никаких маркировок, никаких «приятного аппетита». Армейская лаконичность, возведённая в абсолют, только лишённая всякого человеческого участия.

Вскрыв первый контейнер, я сделал пробный глоток. Вода оказалась никакой. Абсолютный нуль по шкале вкуса. Не холодная, не тёплая, а такая, чтобы просто поддержать гидравлику в организме. Но горло перестало саднить мгновенно. Жажда не исчезла, но позволила надеть на себя намордник. Я не стал пить залпом, как те несчастные перед мной. Сделал ещё глоток, затем третий. И остановился. Организм вопил, требуя «всё и сейчас», но мозг, слава богу, ещё держал вожжи. Если нас погонят дальше «по этапу», остаток воды станет моей валютой, моим золотым запасом.

Распечатав таблетку, я извлёк её на свет. Плотная, гладкая шайба, напоминающая сухой корм для крупных псов.

Положил на язык. Вкус ударил сразу – мел, пыль, металлический привкус ржавой ложки. Гадость невероятная. Жевать это было бы преступлением против собственного неба. Я проглотил комок, запив водой. Таблетка упала в желудок тяжело, как булыжник в колодец.

Пока я занимался этой жалкой трапезой, рядом раздался глухой, надломленный голос:

– Мы реально... мёртвые?

Я скосил глаза. Тот самый юноша, что спрашивал меня насчёт того военный я или нет. Он стоял, сжимая воду побелевшими пальцами, и вид имел такой, будто земля – или что там у нас под ногами – уходит в бездну.

– Мы дышим, – ответил я жёстко. – Значит, живые.

Это был единственный ответ, который имел право на существование в данном бедламе. Ему не нужна была метафизика или богословские диспуты. Ему нужна была точка опоры, пусть даже иллюзорная.

Он кивнул, словно болванчик, и умолк.

Коль тем временем продолжал вещать. Голос его не гремел иерихонской трубой, но проникал в каждый угол.

– Зарубите себе на клыках, – говорил он. – Вы не на курорте и не на экскурсии. Здесь нет книги жалоб и нет опции «хочу к маме».

Кто-то из задних рядов пискнул:

– Но... как же... моя планета я хочу назад...

Коль сделал короткий, рубящий жест рукой, и возражение

умерло, не родившись.

– Твоя планета – это примитивная периферия, захолустье Галактики, – отрезал он. – Вы пребываете в системе Империи. Обратного билета не предусмотрено. По крайней мере, в тех временных рамках, которые способно осознать ваше короткоживущее сознание.

Фразу про «временные рамки» он произнёс так, будто зачитывал приговор трибунала.

– Контроль за вами будут осуществлять миграционная служба и космическая полиция, – добавил он буднично. – Долго. Очень долго. Потом, возможно, поводок ослабят. Если, конечно, доживёте до конца контракта.

Пара человек замерли, словно громом поражённые. Для них слова «назад дороги нет» стали не информацией, а приговором. Я же запретил себе проваливаться в эту яму отчаяния. Не потому, что я сделан из стали, а потому что впадать в уныние сейчас – непозволительная роскошь. Есть ряд обстоятельств на которые ты не в состоянии повлиять. Их нужно просто держать в уме и иметь в виду. Если не можешь изменить климат, одевайся по погоде.

Сделав ещё один крошечный глоток, я почувствовал, как окончательно проясняется голова. А вместе с ясностью пришла злость – холодная, рабочая злость, которая, если её правильно дозировать, служит отличным топливом.

Коль грузно сошёл с платформы и двинулся вдоль толпы жующих клонов, следя, чтобы никто не лез без очереди. Дви-

гался он тяжело, но стремительно, как носорог, уверенный в своём праве на проход. Он не демонстрировал силу. Он и являлся силой.

– Рацион на сутки, – напоминал он, проходя мимо. – Пейте с умом. Вода – ресурс. Таблетки – ресурс. Вы сами – тоже ресурс.

Он снова ухмыльнулся. Слово это он катал на языке с явным удовольствием.

Толпа понемногу затихала. Кого-то успокоила вода, кого-то – осознание неотвратимости, кого-то накрыло тупое безразличие усталости. Шок – товар скоропортящийся, на смену ему приходит голая неприглядная реальность.

Оглядев зал уже более трезвым взором, я отметил детали. Две двери. Одна – наш вход, другая – выход, ведущий, очевидно, к койко-местам. На полу у второй двери вспыхнула светлая полоса – граница этапа. В потолке – россыпь глазков. Что это? Вентиляция? Или может всевидящее око Большого Брата?

– После получения пайка проходите туда, – скомандовал Коль, словно перехватив мой взгляд, и ткнул пальцем в сторону выхода. – Группами. Не бегом. Без истерик и соплей.

– А если кто-то... если кто-то воспротивится? – спросил голос с нотками истерики.

Коль посмотрел на смельчака с усталостью ветеринара, которого укусил больной пёс.

– Если кто-то решит стать помехой потоку, – проговорил

он, – система примет меры. Либо я приму меры. И уверяю вас, ни одна из этих перспектив не покажется вам заманчивой.

Он выдержал паузу.

– В вашем незавидном положении разумнее всего учиться и работать. Это повышает шансы на долголетие.

Что же... Просто, цинично и честно. Именно за честность я ему был благодарен.

Процедура раздачи тянулась мучительно долго. Здесь не было часов, не было солнца, время застыло в стерильном киселе. Когда последний страждущий получил свой паёк, линия у выхода налилась светом.

– Двигаемся, – скомандовал надзиратель. – Воду беречь. Таблетки не терять. Добавки не предусмотрено.

Он вновь взгромоздился на платформу, чтобы видеть всё стадо целиком.

– Направляйтесь в жилой сектор, – объявил он. – Там капсулы. Сон. Восстановление. Затем – учёба. Ваша сверхзадача на ближайшие часы – не сдохнуть по собственной глупости.

Окинув нас прощальным взглядом, он добавил:

– По пути увидите много пустого и одинакового. Не пугайтесь. Так и должно быть. Это учебный центр.

Фраза эта легла в сознание, как последний кирпич в стену. Пустое и одинаковое. Я уже видел это в коридоре. Теперь это стало нашим девизом.

Люди потянулись к выходу. Сперва робко, озираясь, как

битые собаки, затем плотнее, осознав, что бить прямо сейчас не будут. Я держался стены, контролируя пространство. В таких ситуациях стена – лучший друг, она, по крайней мере, не ударит в спину.

Я сделал ещё глоток – чисто символический, чтобы смочить гортань. Спрятал контейнер.

В голове вертелись слова: «Империя» и «контракт». Анализировать политическое устройство этой галактической торговли я буду позже. Сейчас важнее было другое, что у меня есть вода, есть маршрут и есть понимание структуры. А значит, у меня есть шанс не стать расходным материалом в первой же партии.

Я шагнул в коридор, удерживая внутри одну простую мысль, что пока я могу переставлять ноги по собственной воле, игра ещё не проиграна. Если я не проиграл – это уже заявка на то, чтобы свести всё в ничью или, быть может, выиграть.

Глава 4

Коридоры, в которые наша группа вошла после этой политинформации, решительно отличались от зала пробуждения. То не было пространство, рассчитанное на бездумное скопление сотен тел. Здесь архитектура сжалась до размеров одной человеческой единицы. Коридор требовал дисциплины. Иди, поворачивай, останавливайся и не мешай соседу. Свет сочился узкими, кинжальными полосами вдоль стен – ровный, бестеновой, лишённый всякого источника. Он не

давал ощущения времени, лишь голую функциональность. Чтобы двуногое имущество не врезалось лбом в переборку и не потерялось по дороге.

Я держался особняком, чуть в стороне от основного потока. В толпе хуже видно, сложнее дышать, а главное – толпа имеет пренеприятнейшее свойство за секунду превращаться в обезумевшее стадо. Здесь пока никто не бежал, но я слышал, как этот многоголовый организм дышит, как судорожно сглатывает слюну и пытается шептаться, словно этот сиплый шёпот способен отменить чудовищную реальность.

Ноги меня уже слушались сносно, но холод по-прежнему сидел под кожей, ровный и настойчивый. Окружающая температура воздуха градусов пятнадцать-шестнадцать, по моим ощущениям. Не смертельно, конечно. Именно поэтому и гадко. Смертельный холод сразу становится проблемой, требующей решения, а этот просто превращается в фон, который делает тебя покорным и вялым.

Шли мы недолго, но маршрут был выстроен с иезуитской хитростью, дабы каждый успел уяснить одну простую истину, что здесь нет понятия «куда». Здесь есть только «маршрут». Повороты повторялись одинаковыми, штампованными секциями. Вот гладкая панель, здесь микроскопический шов, за ним тонкая линия света, снова панель. Никаких табличек на человеческом языке. Никаких «Вход», «Выход» или «Осторожно, злая собака». Если рабу нужно что-то знать, ему покажут пальцем. Если не нужно – он останется

в блаженном неведении.

Коль шагал в авангарде, не удосуживаясь оглядываться. Я сверлил взглядом его широченную спину, обтянутую синей тканью, которая резким пятном выделялась на фоне серых стен. Двигался он так, будто не он нас ведёт, а сама Система влечёт его на невидимом поводке. Формально живой, но по сути – такой же механизм, как и та светящаяся навигационная полоса на полу, только с клыками.

Люди вокруг тихо гудели. Кто-то пытался острить, но шутки выходили сухими, ломкими, как старый сухарь. Кто-то канючил, вопрошая, куда нас ведут или что ему нужна добавка воды. Другой твердил мантру, что «это сон», но в голосе его не было и тени веры. Я слушал, но не включался в этот хор. Из досужей болтовни сейчас ничего полезного не выудишь. Пользу здесь принесёт только то, что можно потрогать, измерить, запомнить и, при случае, использовать как оружие.

Когда мы свернули в очередную кишку коридора, световая линия на полу на миг ожила под ногами идущих впереди и скользнула дальше, подтверждая правильность курса. Я поймал себя на глухом раздражении от этой навязчивой заботы. Нас вели так, будто мы не способны понять простейшее указание. Следовательно, нас держали за идиотов. Обидно, но познавательно.

Ещё один поворот, и пространство внезапно распухло. Это был не зал, но уже и не коридор. Нечто вроде распре-

делительного узла. Широкий проспект, от которого веером разбегались ответвления. По обе стороны высились гладкие модули, сложенные в два яруса. Картина чем-то напоминала капсульную гостиницу, только напрочь лишённую уюта. Здесь не было и намёка на гостеприимство. Здесь царил принцип экономии и функциональности. Разместить, законсервировать, не тратить лишнего джоуля энергии.

Я притормозил на секунду, дабы оценить диспозицию.

Модули тянулись бесконечными рядами, как соты в улье механических пчёл. Каждый представлял собой прямоугольную нишу с глухой створкой. У некоторых створки были приоткрыты, и я разглядел внутри узкую койку, матовую поверхность стен, короткую световую панель и небольшой блок у входа. Всё. Ни окна с видом на сад, ни личных вещей, ни даже намёка на индивидуальность. Пенал для хранения биологической единицы.

Люди замаялись, и это замешательство было предсказуемо. После сумрачного зала, где теряешься в масштабе, здесь теряешься в тесноте. Человеческая психика не любит, когда её швыряют из одной крайности в другую без предупреждения.

Коль остановился в центре композиции и наконец соизволил повернуться к нам лицом. Его физиономия – пяточок, клыки, маленькие, пронизательные глазки – уже не вызывала оторопи. Сюрпризом стала та ледяная упорядоченность, что звучала в его голосе. Он читал нам инструкцию по эксплуатации, словно мы были партией тостеров.

– Жилые ячейки, – бросил он коротко. – Каждому назначена персональная. Смотрите на руку. Там метка.

Я опустил взгляд на своё запястье.

Тонкая, тёмная полоса, похожая на свежий шрам от лазера или след от штрих-кода. Я провёл по ней большим пальцем – не стирается. Не краска. Скорее, вживлённый под кожу интерфейс, клеймо, которое считывается местной техникой. Меня пронумеровали, как скот.

Рядом кто-то вскинул руку и уставился на запястье с таким видом, будто надеялся прочесть там оправдательный приговор. Несколько человек загомонили, перебивая друг друга, но Коль даже не повысил тона. Он просто выждал, пока они выдохнутся, как сдувается проколотый мяч.

– Ячейка открывается по метке, – продолжил он. – Не лезьте в чужую. Не вскрывайте панели. Не пытайтесь «разобраться», как это устроено. Здесь всё работает так, как нужно Империи, а не вашему любопытству. Вам надлежит жить и учиться. Всё остальное – лишнее.

Слово «лишнее» он произнёс так весомо, что смысл дошёл до самых тугодумов без дополнительных пояснений.

Я шагнул к ближайшему ряду и остановился у первой же ниши, исключительно ради эксперимента. Поднёс запястье к маленькому тёмному прямоугольнику у створки. Никаких экранов, никаких кнопок. Внутри чёрного квадрата мигнул едва заметный холодный огонёк.

– Эй... это моя? – спросила рядом девица, та самая, что

донимала меня вопросами раньше.

Её голубая кожа делала белки глаз неестественно яркими, и от этого взгляд казался совсем безумным.

– Проверь метку, – ответил я ровно. – И не лезь в чужую нору.

Она закивала, часто и испуганно, как китайский болванчик, и побрела вдоль ряда, прижимая запястье к груди второй рукой, словно боялась, что клеймо украдут.

Слева какой-то умник попробовал вскрыть нишу грубой силой, игнорируя метку. Створка даже не шелохнулась. Человек выругался сквозь зубы и налёг плечом. Послышались тяжёлые шаги Коля.

– Для особо одарённых, – пророкотал надзиратель. – В чужую ячейку вы не войдёте. Если будете ломать казённое имущество, вы отправитесь туда, где вам найдут применение гораздо быстрее, чем вы рассчитываете.

Уточнять адрес он не стал. И без того мороз по коже продрал.

Клоны начали разбредаться. Стадо распалось на отдельные атомы, и от этого дышать стало чуть легче. Когда ты один, ты несёшь ответственность только за собственную шкуру. Когда в толпе – ты заложник чужой паники.

Я искал свою ячейку методом научного тыка, не пытаюсь вычислить алгоритм нумерации. Система сама подскажет, когда сочтёт нужным. Я просто двигался вдоль ряда, поднося руку к датчикам, пока одна створка не соизволила признать

во мне хозяина.

Она откликнулась на третьей попытке.

Внутри меня ждало то же самое унылое зрелище: койка, панель, ниша. Стандарт. Унификация. Единственное отличие – на боковой стене я заметил маленький, слегка утопленный прямоугольник, намекающий на наличие интерфейса. Не экран в привычном, земном понимании, а скорее зона проекции или сенсорный участок. Мой персональный угол в галактическом бараке.

Створка бесшумно поползла вверх.

Механика была до того мягкой, маслянистой, без единого скрипа, будто металла там и в помине не было. Я сунул нос внутрь.

Капсула была рассчитана строго на одного. Узкая койка, плотная, застеленная чем-то вроде тонкого мата. Под головой – утолщение, имитирующее подушку. Слева – гладкая панель с едва различимыми швами, которые могли скрывать шкафчики или просто служить декором. В ногах – ниша под обувь или ветошь. Вдоль потолка тянулась световая полоса, вспыхнувшая при открытии. Воздух внутри показался чуть теплее, чем в коридоре, но это была, скорее, иллюзия замкнутого объёма.

Запахов не было. Абсолютно. Ни ароматов пластика, ни оттенков металла, ни даже вони антисептической химии. Так же как и у одежды в зале. Стерильная, вакуумная пустота. Запах небытия.

Я прикрыл створку ладонью, не до конца, просто, чтобы ощутить сопротивление. Она послушно замерла и снова поползла вверх, стоило мне убрать руку. Значит, датчики исправны, защита от продавливания имеется. Логично. Империи не нужны травмированные рабы, которые снизят свой ресурс ещё до начала эксплуатации.

Я скользнул в чрево капсулы осторожно, без лишних телодвижений, словно забирался в кабину незнакомого и, возможно, заминированного летательного аппарата. Пространство внутри оказалось тесным, но не давящим. Оно давило иным – своим утилитарным смыслом: «ты здесь временно, ты здесь потому, что так надо, и твоё мнение никого не интересует». Опустившись на край узкой койки, я обратился в слух.

Снаружи, в коридоре, ещё не стихла возня. До меня доносились шарканье подошв, обрывки фраз, короткие, рубленные команды. Где-то в отдалении Коль рыкнул на кого-то, кто имел наглость перегородить проход. Голос надзирателя не гремел, но прорезал пространство, как сигнал по системе оповещения. Не исключено, что именно через неё он и вещал, встроенный в эту механическую преисподнюю.

Я перевёл взгляд на панель, расположенную под рукой.

Там угадывались тончайшие линии – намёк на скрытые ёмкости. Проведя пальцами по гладкой поверхности, я нашупал едва заметный выступ. Лёгкое нажатие – и панель отошла деликатным щелчком, открыв узкий пенал. Внутри

обнаружился комплект сменной серой робы, сложенный с армейской педантичностью, и небольшой пакет, напоминающий индивидуальный гигиенический набор. Вскрывать его сейчас я не стал. Не из страха. Просто это не горело. Сейчас горело другое – необходимость закрепиться на этом пятачке реальности и не дать рассудку расползтись по швам.

Жажда, будь она неладна, вновь заявила о себе. Она и не думала уходить, как ни старайся переключить внимание. Во рту пересохло так, словно я всю ночь дышал через марлевую повязку в пустыне. Память услужливо подкинула слова Коля о том, что на сутки положены три бутылки воды, три пищевых таблетки, которые следует получать в автоматах. Значит, здесь, в этом пенале, крана с водой не предусмотрено. Задача упрощается до примитива. Мне нужно дожить до следующей команды, не сдохнув от обезвоживания.

Выбравшись из своего убежища и оставив створку гостеприимно распахнутой, я оглядел ряд. Публика занималась тем же, чем и я. Кто-то нырял в ячейку и тут же выскакивал обратно, проверяя, не захлопнется ли мышеловка. Кто-то валился на койку, не глядя, с отчаянной надеждой проснуться в своей постели. Кто-то сидел у входа, уставившись остекленевшим взглядом в стену напротив.

Я поймал взгляд уже приметившегося юноши. Он стоял у своей норы, судорожно вцепившись ладонью в край створки, словно боялся, что её конфискуют за долги.

– Нашёл? – спросил он сипло.

– Да, – кивнул я. – Не трогай лишнего. Живи строго по инструкции. Шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству.

Он кивнул, жадно впитывая мои слова. Ему, как воздух, нужны были простые, понятные алгоритмы действий. Я ему их дал.

Коль, тем временем, совершал обход своих владений, проверяя, как рассосалась основная масса клонов. Внутри ячеек он не заглядывал – много чести. Ему достаточно было видеть, что койко-места заняты. У одного из модулей он притормозил. Там какой-то умник продолжал ковырять панель ногтем. Коль бросил короткую, как выстрел, фразу, и вандализм мгновенно прекратился. На миг мне показалось, что вокруг стало тише. Не оттого, что проснулась совесть или дисциплина. Просто страх занял своё законное место в иерархии чувств.

Когда процедура распределения завершилась, световые полосы в проходе налились яркостью. Сигнал того, что этап пройден, готовьтесь к следующему акту марлезонского балета.

И сигнал не заставил себя ждать.

Голос, тот самый, что ранее вещал о маршруте, прозвучал вновь. Мягкий, ровный, стерильный до тошноты.

– Граждане с ограниченными правами. Занять жилые ячейки. Режим сна через десять минут. Повторяю: режим сна через десять минут.

Кто-то нервно хихикнул, но смешок тотчас оборвался, по-

давившись тишиной. Никому не хотелось выяснять на собственной шкуре, что подразумевает местная администрация под «режимом сна». Я тоже не горел желанием экспериментировать.

Я вернулся в свою капсулу и забрался на койку уже без лишних раздумий. Поверхность была прохладной, но этот холод отличался от могильного холода столов в зале пробуждения.

Внутри царил тишина. Створка пока оставалась поднятой, но я нутром чуял, что она опустится. Сама или с чьей-то помощью – неважно.

Отыскав взглядом тот самый утопленный прямоугольник на стене, я коснулся его подушечкой пальца. Никакой реакции. Я задержал палец дольше. На миг поверхность потеплела, ответив едва уловимой вибрацией. И вдруг на стене, прямо перед моим носом, вспыхнула тонкая строка, словно свет пробился сквозь толщу материала.

Успел выхватить лишь два слова.

«Режим... сон».

Затем надпись растаяла.

Это было не меню с вариантами «да/нет». Это был приказ. Капсула не спрашивала моего согласия. Она просто констатировала факт.

Я лёг, вытянул ноги, поерзал, ища положение, в котором плечи не упирались бы в стенки. Пространство было спроектировано так, чтобы обитатель лежал смирно, по стойке

«смирно». Чтобы не ворочался. Чтобы не занимал лишнего кубического сантиметра. Даже здесь, в спальном гробу, экономили на свободе.

Снова сглотнул всухую. Слюны не было и в помине. Жажда драла горло кошачьими когтями. На секунду мелькнула шальная мысль – вскочить, выбежать, найти автомат с водой. Но я усилием воли задавил этот порыв. Если отбой через десять минут, автоматы никуда не убегут. А если и убегут – суета сейчас всё равно лишена смысла.

Снаружи шаги затихали. Становились реже, глуше. И наконец, стихли вовсе.

Створка поползла вниз – плавно, беззвучно, отрезая меня от мира. Щелчок – и вход перекрыт. Световая полоса под потолком капсулы притухла, погрузив меня в мягкий полумрак. Воздух стал плотнее, осязаемее. Приступа удушья не последовало – вентиляция, слава богу, функционировала исправно. Просто в замкнутом объёме тело всегда начинает прислушиваться к собственному дыханию с удвоенным вниманием.

Я лежал, сверля взглядом темноту. Мысль о том, что я умер и очнулся в этом технократическом чистилище, снова попыталась поднять свою уродливую голову, но я прихлопнул её привычной мантрой. Пока у меня есть задачи, я жив. Задачи просты до безобразия. Не сломаться. Не рехнуться. Дожить до утра. Добыть воду. Понять правила игры. А там – война план покажет.

Я смежил веки, но сон, подлец, не шёл. Тело ныло от усталости, но мозг, перевозбуждённый, цеплялся за контроль. Он, как заезженная пластинка, прокручивал картины минувшего дня: зал, ряды столов, синюшные тела. Пытался найти логику, закономерность, ибо закономерность – это уже почти инструмент, почти оружие.

Где-то на периферии сознания всплыло имя.

Тимофей.

Тима.

Я не видел его здесь. Не слышал его голоса. Не нашёл его в толпе. Значит, либо он не проснулся вовсе, либо не попал в эту партию. Оба варианта были одинаково паршивы. Но оба пока оставались лишь гипотезами. Я заставил себя отложить эту мысль в долгий ящик. Сейчас это не задача. Это просто боль, а боль мешает работать.

Сон навалился внезапно, как будто кто-то дёрнул рубильник.

Я провалился в черноту, не успев даже удивиться.

И так же внезапно меня вышвырнуло обратно.

Звук. Не громкий, но настойчивый. Ровный, металлически-спокойный, специально откалиброванный так, чтобы не оставлять человеку права на эмоции или промедление.

– Гражданин с ограниченными правами. Подъём.

Глава 5

Секунда – и мозг включился рывком, будто меня хлестнули по щеке мокрой тряпкой. Я распахнул глаза. В капсуле царил полумрак, но световая полоса налилась яркостью, не слепя, а будоража.

– Подъём. Подготовка к обучению. Время – пять минут.

Я сел рывком. Тело налилось тяжестью, словно я спал не несколько часов, а провалялся в летаргии неделю. Но мышцы отозвались. В голове прояснилось, туман рассеялся. Это был и дурной знак, и добрый. Дурной – потому что ясность приносит полное осознание кошмара. Добрый – потому что меня, похоже, не накачали наркотиками до состояния овоща.

Створка поползла вверх сама, повинувшись невидимому сигналу.

Коридор уже наполнился звуками. Капсулы вскрывались одна за другой, как стручки гороха. Люди выбирались наружу. Кто-то бормотал проклятия, кто-то молчал, глядя перед собой остекленевшим взором, но улыбок заметно не было. Я тоже выбрался и встал в проходе, стараясь не мешать движению, устремив взгляд вперёд.

Свет в коридоре горел ярче прежнего. Полосы вдоль стен пульсировали жизнью. Линия на полу вновь проявилась тонкой, бескомпромиссной стрелкой, зовущей вдаль.

Я сделал глубокий вдох. Жажда никуда не делась, она си-

дела внутри верным псом, напоминая, что тело здесь быстро учится смирению. Я сжал кулак, разжал, проверяя моторику. Руки слушались.

Голос прозвучал снова, на этот раз для всей честной компании.

– Следовать по маршруту. Начало обучения.

Мы двинулись дальше сразу после того, как Коль махнул рукой в сторону жилого блока. Вдоль стены, неподалёку от рядов капсул, выстроилась шеренга автоматов. Низкие, вытянутые, они были врезаны в тело станции так плотно, словно проросли в неё с самого начала времён.

Коль даже не удостоил их приближением. Он просто ткнул толстым пальцем.

– Рацион здесь, – буркнул он. – Вода и пищевые таблетки. Один комплект на сутки. Ни больше, ни меньше.

Взгляд его, тяжёлый, как гидравлический пресс, прошёлся по тем, кто уже засуетился, пытаясь протиснуться вперёд.

– Автомат в курсе, сколько вам положено. Получили – отошли. Проверять его щедрость или спорить с железякой не советую.

Первые смельчаки подошли с опаской. Панель оживала, стоило клону приблизиться, и без лишних фанфар выплевывала стандартный набор. Упаковка воды. Плоский контейнер с таблетками. И всё. Индикаторы на автомате гасли мгновенно, будто клона перед ним больше не существовало, будто он стирал его из памяти.

Толпа быстро ухватила суть. Мы потянулись к автоматам, поначалу сдержанно, потом всё увереннее. Кто-то выдохнул, сжав бутылку, словно это был спасательный круг. Кто-то сразу принялся инспектировать упаковку, ожидая подвоха. На лицах читалась простая мысль – раз клонов кормят, значит, списывать в утиль прямо сейчас не собираются. Уже хлеб.

Я по привычке держался на периферии этого людского водоворота. Когда автоматы завершили свою скупую раздачу, стрелки на полу вспыхнули вновь. Ярко, контрастно, безапелляционно. Игнорировать их было невозможно.

– По стрелкам, – скомандовал Коль. – Дальше без суеты. Шагом марш.

И мы пошли.

Зал, из которого мы выходили, остался позади. Я поймал себя на желании обернуться. Не из праздного любопытства, а чтобы удостовериться, что за спиной не притаился сюрприз. Там, где я рос, и там, где служил, сюрпризы редко бывали с бантиками праздничной ленты.

Коридор, в который мы вступили, был выдержан в том же угнетающем стиле. Серый, матовый, ровный до стерильности. Свет лился с потолка безжизненным потоком, не имея ни направления, ни тепла. Он делал лица плоскими, как на фотокарточках в личном деле. Температура держалась в районе пятнадцати-шестнадцати градусов. Ниже зоны комфорта, но чуть выше той черты, за которой начинается неконтролируемая дрожь. Казалось, холод здесь был дозирован так,

чтобы не убить тело сразу, но ежесекундно напоминать – мы живём в эконом-режиме. Каждая калория тепла здесь на учёте.

Воздух был сух и прохладен. Жажда застряла в глотке ржавым гвоздем, не желая отступить, хоть я уже и выпил одну бутылку воды, когда запил пищевую таблетку. Я отмечал это уже машинально, как побочный параметр. Вчера это шокировало. Сегодня стало частью среды обитания. Организм – это довольно адаптивный механизм, и он уже начал быстро перестраиваться, приравниваясь к здешним условиям.

Слева и справа тянулись бесконечные панели из материала, похожего на искусственный камень. Такой делают, чтобы он пережил века и не требовал тряпки уборщицы. Проходя мимо, я коснулся матовой стены ладонью. Холодная, гладкая, безжизненная. Ни пылинки, ни стыка, где мог бы затаиться мусор. Всё рассчитано на вечность функционального использования.

Шаги звучали глухо, словно пол пожирал звук. Это раздражало невероятно. В пустых помещениях эхо – твой спутник, твой ориентир. Здесь же звук крали, чтобы ты не понимал, сколько вас, как близко идет сосед, как дышит масса. И чтобы лишние разговоры не разжигали страсти.

Впрочем, разговоры всё равно текли ручейками. Обрывки фраз, шепот, всхлипы.

– ...контракт... пятьдесят лет...

– ...рабство, чистой воды рабство...

– ...клоны... ты слышал, это клоны...

– ...я умер, ты понимаешь? Я сдох...

– ...заткнись, ты всех тут с ума сведёшь...

В голосах сквозило одно и то же. Страх и поиск виноватого, жалкая попытка договориться с реальностью. Никто не видел горизонта этой истории, и от неизвестности людей трясло сильнее, чем от могильного холода.

Я слушал не слова, а интонации. Кто на грани срыва, кто пытается играть в железного человека, кто уже начинает скалить зубы от бессильной злобы. Агрессия – удобная маска, она дарит иллюзию контроля. Но именно она чаще всего провоцирует панику или резню.

Коль шел в авангарде, изредка притормаживая или оглядываясь через плечо. Он не торопился. В его походке сквозила уверенность хозяина псарни. Он смотрел на нас не как на людей, а как на производственный процесс, требующий наладки.

Пару раз кто-то из особо ретивых пытался ускорить шаг, пролезть вперёд, «чтобы побыстрее». Коль даже голоса не повышал. Он просто ронял слова, как камни:

– Назад.

– В строй.

– Ещё раз дернешься – пойдешь последним.

Тон был таков, что клоны подчинялись. Не из уважения, а из нутряного понимания, что этот субъект представляет здесь не свою персону, а ту самую Систему, что рисует стрел-

ки на полу и распахивает двери без спроса.

Коридор выплюнул нас в небольшое помещение. По сравнению с первым залом оно казалось почти камерным, уютным, если бы не давящая атмосфера контроля. Не узкое, но строго очерченное. Здесь не было той пугающей бесконечности. Всё рядом, всё на ладони. В таких загонах проще управлять человеческим стадом.

Вдоль одной стены выстроились одинаковые «входы» — ниши, подсвеченные мертвенным светом. Их было много, штук пятьдесят навскидку. Точный подсчет не имел смысла. Ясно было одно — нас прогоняют через них партиями.

Над нишами мерцали индикаторы. Внутри каждой зияла пустота, с рядами ожидающих прибытия ложементов. Конструкция напоминала технический ангар, уменьшенный и доведенный до абсурдной стерильности. Из глубины доносился мягкий, утробный гул механизмов. Лифты. Подача платформ.

В памяти всплыло земное сравнение — японская автоматическая парковка, про которую я как-то смотрел сюжет. Загоняешь машину на платформу — и она исчезает в недрах здания, в своей ячейке. Только здесь вместо автомобиля должен исчезнуть человек... Ну или клон.

Толпа сбавила ход. Люди начали озираться, судорожно цепляясь взглядом за любую деталь, которую можно было бы истолковать. И в этот момент Коль вновь включил режим воспитателя для коррекционной группы, только без те-

ни улыбки.

– Встали. Ровно. По одному в затылок. Без обгонов. Без суеты. – Он прошелся вдоль строя и ткнул пальцем в пол. – Метки видите? Вот по меткам и встаёте.

На полу и впрямь виднелись отметки. Неяркие, но вполне различимые. Каждая на расстоянии шага от другой. Чтобы двуногие не жались друг к другу, не создавали давку и не лезли поперед батьки в пекло. Простая геометрия для удержания хаоса в узде.

– Ложемент подъедет – заходите. – Коль цедил слова медленно, словно объяснял дебилам. – Легли. Дальше лежите смирно. Никуда не тыкаете, ничего не ломаете, не пытаетесь проверить прочность конструкции. Всё остальное вам объяснит система. Вопросы держите при себе, пока я не дам разрешения.

Кто-то, видимо, из самых любознательных попытался вякнуть, и голос его предательски сорвался:

– А если...

Коль, подобно опытному педагогу в колонии для несовершеннолетних, даже не дал закончить фразу.

– Если будешь мешать остальным, останешься здесь и будешь ожидать, пока меня посетит вдохновение тобой заняться. – Он медленно повернул голову и сверху вниз, как удав на кролика, уставился на смельчака. – Усёк?

Тот судорожно кивнул, закусив губу до белизны.

Я сделал зарубку в памяти. Этот тип держит нас в узде не

страхом физической расправы, а пугает задержкой. В этом месте задержка равносильна приговору. Ибо любой, кто выбивается из ритма конвейера, становится заметным. А быть заметным в системе, где ты числишься в графе «расходные материалы», – смерти подобно. Спишут с баланса.

Мы выстроились. Я занял свою позицию на метке, соблюдая дистанцию, как при строевом смотре. Слева и справа люди были натянуты, как струны перед разрывом. У кого-то мелко тряслись руки, у кого-то ходуном ходили губы, шепча нелепые молитвы. Кто-то пытался напустить на себя браваду, но наглость эта была тонкой, ломкой, как стеклянная ёлочная игрушка.

Гул механизмов набрал обороты, и в первой нише из полумрака величаво выплыла платформа с капсулой ложементта. Это сооружение напоминало технологичную капсулу на выдвижном лафете. Не «гроб», как наверняка подумал бы какой-нибудь истеричный обыватель. Скорее, инструмент. Высокоточный станок для фиксации и обработки биоматериала.

Человек, стоявший первым, шагнул вперед на ватных ногах, будто шел на эшафот. Он оглянулся на Колю с собачьей тоской во взгляде, моля о позволении.

– Пошел, – бросил Коль равнодушно.

Клон вступил в пределы машины, ложемент принял его в свое чрево, створки начали смыкаться.

И тут толпа дрогнула. Не от лязга металла, а скорее от удара по психике. Когда на твоих глазах живого человека проглатывает бездушный механизм, древний мозг начинает вопить, что это ловушка и надо спастись бегством. Даже если рассудок понимает, что бежать некуда, тело рвется прочь.

Кто-то сзади нервно хохотнул. Кто-то прохрипел сдавленно:

– Сука, как в кино...

Коль развернулся с такой звериной резкостью, что смешок захлебнулся в горле.

– Пасти захлопнули.

Он произнес это тихо, почти шепотом. И это стало страшнее любого крика.

– Я вам тут не представление устраиваю, а даю призрачный шанс дожить до следующего часа. Цените, гопы.

Клоны оцепенели.

Я вслушивался в этот монотонный гул и ловил себя на странной мысли о том, что всё здесь заточено под железную дисциплину. Под идеальный порядок. Под бесперебойное прохождение процедур. Значит, таких партий, как наша, здесь прошли легионы. Система отлажена и закалена до булатного звона. Стало быть, шанс выжить имеется, если играть по их правилам и не лезть на рожон.

Ложементы подкатывали один за другим с ритмичностью метронома. В нишах разевались створки, платформа выезжала, жертва заходила, капсула захлопывалась, платформа уползала во тьму. Ритм. Никаких сбоев. Никакой суеты. И это давило пуще прежнего. Когда процесс идет так гладко, ты ощущаешь себя деталью на конвейере.

По толпе вновь пополз шепоток, но теперь он стал глуше, опасливее. Клоны боялись Коля. Боялись безликой Системы. Боялись быть услышанными и отмеченными красным маркером.

И все же кто-то рядом не выдержал напряжения и просипел так, что я расслышал:

– Ты откуда? С Земли?

Другой голос, дрожащий и ломкий, отозвался:

– Не знаю. Я... я вообще... я, кажется, не был человеком.

Фраза «не был человеком» прозвучала так дико и жалко,

будто говорящий сам сомневался в своем существовании. Будто он силился вспомнить что-то важное, но память его была стерта ластиком.

Я чуть скосил глаза, чтобы узреть собеседников. Двое – парень и девица. Оба с голубой кожей, как и я, оба с одинаково «идеальными», словно отлитыми по одной форме, телами, оба в казенной серой робе. Если бы не тембр голосов, их можно было бы спутать, как двух оловянных солдатиков. И от этого зрелища внутри снова всё сжалось в тугий узел.

Если они принадлежали к разным расам, то отчего тела их идентичны, как болты? Ответ лежал на поверхности и был неприятен: потому что тела здесь – это стандарт. Унифицированный носитель, болванка. Их проще обслуживать, проще кормить этой гадостью, проще лечить и обучать. И если кто-то «не был человеком», то его личность, его память, его суть нынче заперты в этом стандарте, как джинн в бутылке, только без права на исполнение желаний.

Я поймал себя на желании спросить: «А кем же ты был?» Не из праздного любопытства, а из насущной потребности понять устройство этого мира. Но я промолчал. Во-первых, безопасность превыше всего. Во-вторых, ответ мог оказаться таким, что мой рассудок дал бы трещину. Иногда мозг сам ставит предохранители, дабы не перегореть от перегрузки.

Коль возвышался в центре, контролируя процесс, и реагировал исключительно на децибелы. Пока разговоры текли ручейком, он их игнорировал. Но стоило кому-то повисить

голос, он срезал смельчака коротким, как удар хлыста, приказом. Ему не нужно было, чтобы толпа разогревалась. Ему нужно было, чтобы стадо прошло санитарную обработку.

– Следующий, – командовал он. – Следующий.

И изредка добавлял для остротки:

– Не тормози, гоп. Шевлись.

Платформы исчезали в чреве стен, и люди растворялись партиями. Мне чудилось, что процесс идет с неестественной скоростью. Впрочем, возможно, это иллюзия, ибо время здесь лишилось привычных якорей. Ни окон, ни часов, ни смены дня и ночи. Ты существуешь в режиме «здесь и сейчас» и «после команды».

Я думал о Тимофее. Тима. Если он здесь, он тоже топчется в этой очереди. Тоже слышит этот утробный гул. Тоже глядит на ложементы как на орудия пытки. Я силился выхватить из толпы знакомое лицо, но кругом были лишь чужие маски, а память о друге приходила только фантомным ощущением. Чувство локтя. Привычка знать, что тыл прикрыт. Здесь же тылов не было, и прикрывать было некому.

Когда черед дошел до меня, я услышал свой инвентарный номер. Не из динамиков. Из пасти Коля.

Он ткнул пальцем в мою метку, затем указал на нишу, где уже услужливо выдвигалась платформа.

– КГМ-ноль-три-пять-ноль. Пошел.

Я отметил, что он запомнил меня. Или у него перед глазами бегущая строка. Скорее второе. Но звучало это гадко.

Когда тебя именуют набором цифр, ты физически ощущаешь, как от тебя отрезают ломоть человеческого естества.

Я шагнул вперед и вступил в нишу.

Ложемент оказался ближе, чем я ожидал. Он выкатился плавно, замер на уровне пола, и я узрел капсулу во всей красе.

Она не походила на гроб, а выглядела как дорогая, высокотехнологичная игрушка, созданная для тела. Внешняя оболочка – гладкая, как яйцо, без швов, без ручек, без единой кнопки. Материал загадочный. Не металл, не пластик в земном понимании. Он поглощал свет, оставаясь безупречно чистым. Словно к нему не липла грязь. Я провел ладонью по краю – холодный, скользкий, лишенный фактуры. И снова – абсолютное отсутствие запаха. Стерильность операционной. Никаких признаков «бытовухи».

Внутри капсулы – формованное ложе. Оно повторяло контуры человеческого тела, но без пошлости, не как дешевый аттракцион в парке. Скорее, как серьезное медицинское оборудование, где важно, чтобы позвоночник лежал по струнке, чтобы шея не затекала, чтобы кровь бежала по жилам без помех. Плотные борта, чтобы тело не болталось при транспортировке. В районе затылка – выемка, подозрительно напоминающая гнездо для подключения.

Глава 6

Я не увидел ни трубок, ни шлема, ни чего-либо, что можно было бы окрестить «интерфейсом». Всё упрятано в недрах конструкции. Это настораживало пуще, чем если бы мне сунули в лицо пучок проводов. Провода, по крайней мере, честны. Здесь же технология работала так, будто не нуждалась в оправданиях перед пользователем.

Коль стоял сбоку, наблюдая за моими изысканиями с видом скучающего палача.

– Лёг, – произнес он ровно. – И не дёргайся. Умник, который вздумает брыкаться, получит дозу седатива и будет пускать слюни сутки. Мне плевать. А вот тебе – нет.

Говорил он буднично. Для него это был просто очередной вторник.

Я смерил взглядом Коля, затем вновь перевёл взор на капсулу. Втянув ноздрями воздух, поморщился. Он был сух, холоден и стерилен, словно в операционной перед трепанацией. Горло саднило, но эта мелкая неприятность уже не могла сбить с толку.

Шагнув в чрево машины, я на мгновение замер, фиксируя в памяти геометрию пространства. Где заканчивается борт, где находится опора, во что можно упереться ладонью в случае если что-нибудь пойдёт не так.

Снаружи доносился монотонный гул, напоминающий

жужение пчелиного роя в металлической трубе. Очередь двигалась. Клоны один за другим исчезали в своих ложемент-тах, точно патроны, загоняемые в магазин. Кто-то бормотал что-то себе под нос, но я уже не вслушивался. Мир сузился до размеров моего пенала.

Я опустился в ложе. Материал, податливый и упругий, тут же принял меня в свои объятия. Не мягко, как пуховая перина, а правильно, инженерно-выверено. Спина легла ровно, поясница получила надёжную опору, плечи вписались в углубления. Могильный холод внешней оболочки здесь не ощущался – внутренние слои держали комфортную температуру тела.

Откинув голову, я почувствовал, как затылок и шея угодили точно в посадочное гнездо. Слишком точно, чтобы списать это на случайность. Пугающая эргономика напоминала капкан.

Коль навис надо мной, заслоняя свет.

– Сейчас система возьмёт тебя, – произнёс он равнодушно, так, наверное, палач обещает приговорённому скорое избавление от земных скорбей. – Вопросы задашь потом, если, конечно, останется чем их формулировать.

Он криво усмехнулся, довольный собственной остротой.

– Спи.

Я промолчал. Не оттого, что исчерпал запас слов, а оттого, что любые диалоги здесь имели ценность, равную нулю.

Я откинулся назад окончательно, доверяясь механизму.

Ложе приняло вес, и в тот же миг по внутренней поверхности саркофага пробежала тонкая змейка индикаторного света. Не яркая, не праздничная – сугубо служебная. В углу вспыхнули литеры и мой инвентарный номер: КГМ-0350. Система уже знала, кто я, даже если я сам отчаянно цеплялся за остатки своего имени.

Створки пришли в движение.

Без рывков, плавно, с неумолимостью могильной плиты. Я рефлекторно успел сделать последний глоток воздуха, пока полоска света не сузилась до толщины лезвия.

И в этот момент сзади, у основания черепа, я ощутил лёгкое, холодное давление. Будто к позвоночнику присосалась ледяная пиявка, нашла контакт и зафиксировалась намертво. Боли не было. Был лишь факт вторжения, от которого по хребту пробежала электрическая дрожь.

Гул станции отрезало, словно ножом.

Остался только я, этот высокотехнологичный гроб и нарастающее ощущение, что сейчас начнётся то самое «погружение», о котором я знал преступно мало.

Створки сомкнулись, и тьма накрыла меня плотной, бархатной крышкой.

* * * * *

Вначале было касание. Холодный поцелуй металла в основание шеи. Не укол, требующий немедленной реакции, а именно фиксация разъёма, соединение плоти и цифры. Я даже не успел осознать географию этого вторжения, ибо кар-

тинка перед глазами обнулилась в ту же долю секунды.

Это не походило на угасание лампы или банальное закрытие век. Исчезла сама возможность видеть, само понятие зрительного образа.

Сознание, однако, осталось при мне. Я ощущал своё тело как неопровержимый факт, но лишённый привычных доказательств. Дыхание – было, пульс – имелся, мысль – кое-как ворочалась. А вот слух упразднили, будто звукорежиссёр выкрутил ручку громкости на абсолютный ноль.

Я попытался пошевелить пальцами. Команда ушла в пустоту – я это чётко отследил, – но отклик вернулся с тягучей, ватной задержкой, словно пробивался сквозь толщу воды. Этого, впрочем, хватило, чтобы мозг поставил галочку, что паралича нет. Есть подключение.

Я попытался произнести вслух самое простое, что приходит на ум.

– Эй.

Голос не прозвучал. Я не услышал даже шума выдыхаемого воздуха. Горло не завибрировало, барабанные перепонки остались в безмятежном покое. Слово застряло внутри, как нерождённая мысль, которой запретили стать звуком.

И тут на внутреннем экране, прямо на сетчатке или, быть может, непосредственно в разуме, вспыхнула тонкая фосфоресцирующая линия. Сначала робкая, едва различимая. Затем она окрепла и собралась в строгие строки. Чистые символы, шрифт без засечек, лишённый всякого изящества. Ни-

каких «добро пожаловать», никаких любезностей.

«КГМ-0350»

Чуть ниже:

«Инициализация...»

Я моргнул. Точнее, послал импульс моргнуть. Ощущение действия было, но я не поручился бы, что у меня сейчас вообще имелись веки в их физическом понимании. Интерфейс даже не дрогнул, игнорируя мои потуги.

Я предпринял вторую попытку, вложив в неё больше воли.
– Слышишь меня, железяка?

Ответ пришёл не звуком, а текстом, вспыхнувшим перед взором.

«Канал обратной связи: заблокирован.»

Я задержал дыхание, проверяя, способен ли я ещё на эмоции. Злость вскипела мгновенно, ибо злость – верная спутница бессилия, когда тебя лишают права голоса.

Третья попытка, уже из чистого упрямства, граничащего с отчаянием.

– Открой канал!

«Канал обратной связи: заблокирован.»

Трижды. Ровно. Без вариаций. Бесстрастно.

Я понял, что биться головой об эту стену – занятие для идиотов. Не потому, что я смирился. А потому, что я умею считать ресурсы. Здесь, в этой тьме, единственным моим капиталом оставался самоконтроль, и транжирить его на перепалку с тумбочкой было бы верхом расточительства.

Я выдохнул – медленно, протяжно. Сухая глотка отозвалась так, будто я проглотил горсть песка. Жажда сидела внутри занозой, напоминая о брэнности плоти. В иной ситуации я бы уже припал к фляге. Здесь же я мог лишь констатировать факт: организм желает пить. Вердикт: организм перебьётся.

Система, меж тем, продолжала свою бюрократическую мессу.

«Субъект: КГМ-0350»

«Пол: мужской»

«Доступ: подтверждён»

«Синхронизация: активна»

«Проверка памяти: частично заблокирована»

На строке о памяти я споткнулся взглядом. Сам факт блокировки говорил о том, что содержимое моей черепной коробки мне более не принадлежит. Его можно запирать, отпирать, цедить по капле. Выходит, моё драгоценное «я» в этом заведении числится не личностью, а функцией, подлежащей модерации. Неплохо. Значит, я могу частично и полностью разблокировать свою память. Или не могу?

Строки бежали дальше, сухим медицинским отчётом:

«Сердечно-сосудистая система: норма»

«Дыхательная система: норма»

«Опорно-двигательный аппарат: норма»

«Нейроинтерфейс: активен»

«Когнитивные функции: норма»

«Психический статус: норма»

«Тревожность: повышена»

Я позволил себе мысленную усмешку. Тревожность повышена. Какое глубокое наблюдение! Я заперт в гробу, меня именуют инвентарным номером, лишают возможности говорить, а в шее торчит неведомый штырь. Если бы тревожность оставалась в норме, это означало бы одно из двух: либо субъект клинический идиот, либо покойник.

Система, покончив с диагностикой, переключилась в режим ментора. Шрифт укрупнился, паузы стали ритмичнее, словно рассчитанные на вдалбливание информации в тупые головы курсантов.

«Проверка завершена.»

«Базовый курс обучения: загрузка.»

«Режим: обучающий транслятор.»

«Канал обратной связи: недоступен.»

Слово «транслятор» резануло слух, коего у меня не было. Оно подразумевало простую и жестокую истину: «мы будем вещать, а ты будешь внимать».

И тут система вывалила на меня оглавление моей новой жизни.

«Уровень обучения: 10 кругов.»

Десять кругов? Неплохо... Я был уверен, что не был религиозным или даже верующим человеком, но ассоциация с дантовым адом была столь очевидна, что стало не по себе. Список пополз вверх, строка за строкой:

«Круг 1: Определение предрасположенности.»

«Круг 2: Выявление уточнённой предрасположенности.»

«Круг 3: Доступ запрещён.»

«Круг 4: Доступ запрещён.»

«Круг 5: Доступ запрещён.»

«Круг 6: Доступ запрещён.»

«Круг 7: Доступ запрещён.»

«Круг 8: Доступ запрещён.»

«Круг 9: Доступ запрещён.»

«Круг 10: Доступ запрещён.»

Перечень иссяк, и повисла тишина, плотная, осязаемая, давящая на виски. Я ждал пояснений. Сноски. Ремарки. Почему запрещён? Кем наложено вето? Что, чёрт возьми, скрывается за этими запретами?

Но пояснений не последовало. Система, с равнодушием асфальтового катка, перешла к следующему пункту протокола, будто фраза «доступ запрещён» была столь же естественна и благостна, как «доброе утро».

«Пояснение: базовый курс предназначен для запуска процесса обучения».

«Пояснение: дальнейшие круги ограничены настройками администратора станции».

Мне захотелось узнать, что за таинственная персона скрывается за титулом «администратор». Кто дёргает за ниточки в этом кукольном театре? Живой человек из плоти и крови? Бездушный алгоритм, написанный программистом? Или

просто должность, кресло, в котором сидит пустота? Впрочем, вопрос застрял в глотке, так и не родившись. Задавать их бесполезно.

Система, не обращая внимания на них, продолжала чеканить строки:

«Инициализация нейрон-линка: активна».

«Синхронизация когнитивных функций: подготовка».

«Состояние тела: подготовлено».

«Состояние тела: усилено и готово к работе».

Фраза об усилении прозвучала с той же будничной интонацией, с какой механик сообщает о замене масла в картере. Я, повинувшись старой привычке лётчика слушать машину, прислушался к собственной оболочке. И, признаться, был озадачен. Тело действительно ощущалось иначе. Мышцы налились какой-то чугунной, уверенной плотностью. Позвоночник выпрямился и лёг так идеально, будто его перебрали позвонок за позвонком, устранив все заводские дефекты. Суставы работали беззвучно и гладко, как смазанные подшипники.

Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, чтобы проверить эту новую силу, но ощущение распирающей мощи было отчетливым и почти пугающим. Меня отремонтировали. Меня улучшили. Но не для моего блага, а для повышения КПД.

Тем временем перед взором возник очередной блок информации, призванный, очевидно, ознакомить меня с порядком моего нового существования.

«Параметры практики: базовый минимум – 16 часов в сутки».

«Настройки: установлено администратором станции».

«Контроль выполнения: активен».

«При невыполнении: отчёт администратору станции».

«Дальнейшие санкции: определяются администратором станции».

Шестнадцать часов.

Я мысленно присвистнул. Если перевести этот сухой канцелярит на человеческий язык, картина вырисовывалась прелюбопытная. Ты бодрствуешь. Ты пашешь. Ты вгрызаешься в гранит науки или что там они предложат. Ты выжимаешь себя досуха, как лимон. А оставшиеся жалкие крохи времени тебе милостиво даруют, чтобы ты не сдох окончательно и смог завтра снова встать в строй.

Это не обучение, а каторга. Это эксплуатация в дистиллированном виде.

В голове мелькнула простая мысль, что если бы эта программа предназначалась для «спасения человечества» или иной благородной цели, цифры были бы гуманнее. Они были бы гибче. Здесь же оговорок не было, как нет их в приговоре трибунала.

Система, словно уловив моё внутреннее негодование, поспешила добавить ехидное уточнение:

«Дополнение: при желании субъект может находиться в обучающей капсуле дольше базового минимума».

«Ограничение: доступ запрещён».

Выглядело это издевательски. Словно написали строку, а потом топором отрубили объяснение. Что именно запрещено? Почему? Где пределы дозволенного? Ответов не было. Мне скармливали факты, нарезанные крупными ломтями.

Далее последовал блок, касающийся вещей совсем уж приземлённых – того, что я видел в коридоре и ощущал пересохшей глоткой.

«Питание: рацион базового уровня».

«Пищевые таблетки: 3 единицы в сутки».

«Состав: базовый минимум энергии».

«Состав: витамины, минералы, микроэлементы – базовый уровень».

«Гидратация: вода – 3 бутылки в сутки».

Система выдержала паузу, а затем выплюнула строки, которые выглядели как попытка оправдаться, тут же пресеченная цензурой.

«Дополнение: станция предоставляет расширенные варианты питания...»

«Доступ запрещён».

«Дополнение: станция предоставляет расширенные варианты гидратации...»

«Доступ запрещён».

Раздражение, копившееся внутри, вскипело чёрной волной. Здесь уже не было высоких материй и абстракций. Это касалось моего желудка. Грубо, зримо, бесцеремонно.

Три бутылки воды. При такой сухости воздуха и могильном холоде это звучало не как забота, а как дозированная пытка. Не уморить жаждой сразу, но держать на грани, чтобы организм просто не погиб. Чтобы мозг не отвлекался на мечты о свободе, а помнил лишь о глотке воды.

Система продолжила.

«Норма гидратации в стандартном режиме...»

«Доступ запрещён».

«Интервал выдачи воды в стандартном режиме...»

«Доступ запрещён».

Я понял. Мне пытались рассказать «как должно быть по уставу», но невидимая рука Администратора затыкала рот местной Системе. Мне было достаточно самого факта того, что нормальная жизнь где-то существует. Но она от меня спрятана за семью печатями. Значит можно вырваться на свободу и найти её.

Система вновь перешла на официальный, менторский тон.

«Напоминание: попытки вмешательства в работу оборудования не рекомендуются».

«Напоминание: попытки нарушения процедур фиксируются».

«Напоминание: поведение субъекта оценивается».

Последняя фраза резанула слух. Не «карается». Не «пре-seкается». Оценивается. Стало быть, где-то существует документ, где меня взвешивают и измеряют. Где-то есть шка-

ла, определяющая мою годность или негодность. К чему?

Я решил провести эксперимент. Раз уж мы беседуем через нейро-линк, стало быть, этот «телефон» должен работать в обе стороны. Я сосредоточился, собрав волю в кулак, и мысленно, но чётко скомандовал:

«Открыть справку».

Тишина. Пустота.

Я повторил, вложив в мысль всю свою офицерскую настойчивость:

«Вызов меню».

Ноль реакции. Глухая стена.

Однако через секунду всплыло сообщение, подтверждающее, что меня услышали, поняли, но сочли недостойным ответа.

«Канал обратной связи: заблокирован».

Значит, она слышит. Она всё понимает. Она просто отказывает мне в праве голоса. Я выдохнул, отпуская гнев.

Интерфейс моргнул и погас, уступая место тому, что на современном жаргоне именуется «видеорядом».

Впрочем, никакой художественности там не было и в помине. Тонкие линии, контуры, координатная сетка. Мне демонстрировали схему, чертёж, сухую выжимку реальности.

Появилось обозначение:

«Орбитальная станция: ...»

Строка оборвалась, будто кто-то вырвал страницу из книги.

«Доступ запрещён».

Вторая попытка, такая же жалкая:

«Орбитальная станция: идентификатор...»

«Доступ запрещён».

Третья попытка выглядела как гнилой компромисс:

«Орбитальная станция: номер – #####».

Четыре бессмысленных символа вместо имени. И издательское примечание:

«Примечание: часть данных скрыта настройками администратора станции».

Я отметил это как важный штрих. Система не умела лгать красиво. Она не сглаживала углы. Она показывала обрубков правды и честно ставила штамп: «Скрыто».

Картинка сменилась. Это была не панорама, а интерфейс-плакат, условный макет. Коридоры – линии, блоки – прямоугольники, переходы – стрелки.

КГМ-0350

ОРБИТАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ:

ИДЕНТИФИКАТОР:

####

[часть данных скрыта
настройками администратора
станции]:

Глава 7

Стрелки горели ярче всего. Контрастные, ядовитые, режущие ментальный взор. Я вспомнил те, на полу, что вели нас, как стадо на бойню. Здесь цвет был иной, но суть та же. Нас всех ведут. Выбора нет. Есть только маршрут.

Система сопровождала эту графику скупыми комментариями:

«Субъект находится в обучающем секторе станции».

«Доступ субъекта ограничен».

«Перемещение субъекта осуществляется по направляющим меткам».

«Нарушение маршрута фиксируется».

Макет на секунду приблизился, и я увидел зоны, подсвеченные слабым, тлеющим светом – «активные». Остальное тонуло в серой мгле. Не выключенное, нет. Запертое.

На некоторых закрытых секторах вспыхивали, как предупреждающие знаки на минном поле, надписи:

«Доступ запрещён».

«Доступ запрещён».

«Доступ запрещён».

Это походило на демонстрацию дразнящей недоступности. Мне показывали весь мир, но тут же били по рукам: «Не трогай, не твоё». Уж лучше бы показали только мою камеру. Видеть запертые двери куда мучительнее, чем не знать о них

вовсе.

Система двинулась дальше, неумолимая, как паровой коток.

«Назначение обучения: подготовка к колонизации».

Я ждал подробностей. Что за колонизация? Куда нас собираются заслать? На Марс? В другую галактику? В преисподнюю?

Система выдала сухой, обрезанный до полной стерильности блок:

«Колонизация: выполнение задач по заселению, освоению, развитию и удержанию территории».

«Параметры задач зависят от предрасположенности».

«Определение предрасположенности: Круг 1».

Далее она, словно прилежная секретарша, попыталась перечислить направления. И снова с размаху ударилась лбом о стену запрета.

«Профили специализации: ...»

«Доступ запрещён».

«Профили специализации: ...»

«Доступ запрещён».

Лишь на третий раз она сумела выдать из себя куцый обрывок информации:

«Профили специализации включают: технические, управленческие, боевые, медицинские, логистические направления».

На слове «боевые» я внутренне подобрался, словно пёс,

учуявший запах пороха и палёной шерсти. Романтикой здесь и не пахло. В словаре здешних кукловодов «боевой профиль» вовсе не означал рыцарский турнир или охрану складов с тушёнкой. Это означало, что из тебя намерены выковать молоток, чтобы забивать гвозди в крышку чьего-то гроба. А инструмент... Инструмент не имеет права на мораль, его задача – быть твёрдым и бить точно.

Система, словно подтверждая мои самые мрачные опасения, тут же добавила:

«Подробности профилей: Доступ запрещён».

Иными словами, мне показали красивую этикетку на пустой бутылке. Витрина, за которой скрывается пустота или, что вероятнее, какая-то мерзость. Иначе, какой смысл что-либо скрывать.

Макет станции перед моим мысленным взором вновь претерпел метаморфозу. Теперь передо мной висела схема капсулы в разрезе – той самой, в чреве которой я находился. На чертеже она выглядела стерильно-безупречной, как иллюстрация или блоксхема, где человек – лишь контур, заполняемый функциями.

«Ложемент: активен».

Я мысленно пометил этот термин. Стало быть, всё же ложемент. Не гроб, не ящик, а техническое устройство для фиксации биомассы. Звучит сухо, по-инженерному, без сантиментов.

«Нейрошунт: активен».

А вот это уже ударило конкретикой. Я не видел ни трубок, ни змеящихся проводов, но теперь бездушная машина именвала вещи своими именами. То холодное, чужеродное, что я ощущал в основании черепа, получило название.

«Нейролинк: активен».

«Синхронизация нервной системы: 98.72%».

«Нагрузка: в пределах нормы».

Система выплюнула следующий блок информации, явно составленный для тех, чья психика начала давать трещины:

«Субъект не покидает тело».

«Сознание субъекта сохраняется».

«Погружение осуществляется через нейроинтерфейс».

Я обратил внимание на эту иезуитскую формулировку. Никаких утешений. Сухая констатация факта: не покидает, сохраняется, осуществляется. Словно инструкция к токарному станку, что деталь закреплена, а резец подан. Проблема в том, что я не резец, а деталь. Оставалось только гадать, сколько стружки с меня снимут.

Тут же всплыла ещё одна лексически стерильная строка:

«Вопросы субъекта не обрабатываются. Канал обратной связи: заблокирован».

Будто мне заткнули рот кляпом и вежливо напомнили: «Внимайте молча».

Далее потекли сухие данные. И выглядело это так, словно система, страдающая болтливостью, порывалась выдать государственную тайну, но в последний момент получала по

пальцам линейкой.

«Тело субъекта собрано по стандарту...»

«Доступ запрещён».

Вторая попытка пробиться сквозь цензуру:

«Тело субъекта оптимизировано по параметрам...»

«Доступ запрещён».

С третьей попытки ей всё же удалось выдать дозволенный минимум:

«Оптимизация тела: повышенная выносливость, ускоренное восстановление, повышенная адаптивность».

Но четвёртая строка была безжалостно обрублена на полуслове, как голова на гильотине:

«Происхождение стандарта оптимизации...»

«Доступ запрещён».

Я сделал зарубку в памяти. Не потому, что успел выстроить теорию заговора, а потому что разум, привыкший к анализу, автоматически фиксирует белые пятна на карте. Именно в таких местах, где информация обрывается в пустоту, обычно и прячутся самые жирные черти.

Система, закончив с преамбулой, вернулась к режиму «муштра начинается немедленно».

«Переход к Кругу 1».

«Круг 1: Определение предрасположенности».

«Метод: симуляция».

«Режим: полный нейролинк».

«Длительность: определяется системой».

«Минимум практики: 16 часов в сутки».

Она повторила эту цифру ещё раз, словно ставила сургучную печать на приговоре. Шестнадцать часов. Каторга. Галеры.

«Контроль выполнения: активен».

И тут последовало то, что можно было бы счесть шантажом, будь у машины чувства:

«Невыполнение базового минимума фиксируется как отказ от практики».

«Отказ от практики фиксируется как снижение пригодности».

«Снижение пригодности: отчёт администратору станции».

Логическая цепочка была проста, как удар кирпичом по голове. Не учишься – становишься бракованным изделием. Бракованное изделие оценивается ниже. А с низкосортным товаром, как известно, не церемонятся – его утилизируют. Моя судьба ставилась в прямую зависимость от некоего безликого рейтинга.

Во мне вскипело горячее, почти мальчишеское желание сделать что-нибудь поперек. Плюнуть в этот виртуальный экран, отказаться, взбунтоваться – просто чтобы доказать, что я не шестеренка и не «субъект».

Но я тут же осадил себя. Это – реакция истерички, а не офицера. Система, будь она неладна, сконструирована именно так, чтобы подобные порывы сжирали человека изнутри.

Ты тратишь драгоценные силы на демонстрацию гонора, а бесстрастный алгоритм просто переносит твою фамилию в список «проблемных активов».

Я выдохнул, прогоняя гнев. Если в этом аду и существует лазейка, то открывается она не бунтом, а ледяной дисциплиной. Сейчас мне нужно слушать, запоминать, сохранять рассудок в холоде... И делать выводы. Не потому, что я принимаю их правила игры безоговорочно, а потому, что я намерен изучить правила этой игры, чтобы потом, при случае, перевернуть доску.

Интерфейс слегка померк, готовясь сменить декорации. Экран потемнел, и в центре возникла лаконичная надпись:

«Подготовка симуляции...»

«Стабилизация когнитивного фона...»

«Стабилизация...»

Картинка дрогнула, и я ощутил тошнотворный провал внутри, точно в скоростном лифте, у которого оборвался трос. Только падал я не в шахту, а в глубины собственного восприятия.

Система, словно заботливая нянька-отравительница, добавила ещё один блок о питании:

«Рекомендация: поддерживать гидратацию перед практикой».

«Рекомендация: использовать пищевые таблетки согласно норме».

И снова – жалкая попытка расширения информации:

«Дополнение: в стандартном режиме станция предоставляет...»

«Доступ запрещён».

Я уже не злился. Я привыкал к ритму и узору умолчаний. Скрыто, запрещено, ограничено. Это не сбой, это здешняя норма жизни.

Затем перед внутренним взором поплыло то, что должно было послужить «мягким входом». Никаких пасторальных пейзажей или успокаивающей музыки. Сухой и функциональный видеоряд.

Через изображения, похожих на плакаты по технике безопасности. Схема: человек в капсуле, нити нейроинтерфейса, подписи.

«Симуляция воспринимается как реальность».

«Боль и страх возможны».

И третья строка, на которой я вновь споткнулся взглядом:

«Смерть в симуляции не является смертью тела».

Система лгала, или, по крайней мере, недоговаривала. Мозг, натренированный на выживание, мгновенно достроил недостающую часть уравнения: смерть в иллюзии не убивает плоть, но она способна вдребезги разнести рассудок. Она может оставить такой рубец страха, что ты уже никогда не будешь прежним. Душу можно искалечить и без физических ран.

Далее последовал краткий блок угроз:

«Нарушение процедур симуляции фиксируется».

«Попытки вмешательства фиксируются».

«Попытки сопротивления фиксируются».

Вывод был прост. Даже сопротивление идет в зачёт. Ты можешь биться, как рыба об лед, но и это станет лишь строчкой в твоей характеристике.

Система вывела финальный аккорд:

«Переход к симуляции: сейчас».

Я почувствовал, как пространство капсулы, само ощущение физического тела, растворилось в небытии. Меня выдернули из реальности и перенесли в точку абсолютного нуля.

Перед глазами, на девственно чистом фоне, вспыхнуло последнее уведомление:

«КГМ-0350».

«Круг 1: старт».

И тут же, словно насмешка мироздания, на мгновение вылезла ошибка, какой-то программный глюк, недошитый лоскут цифровой ткани:

«Доступ запрещён».

Строка мигнула и исчезла, как призрак. Я успел лишь отметить: даже здесь, на пороге их святая святых, система не идеальна. У неё есть швы, есть прорехи. И это давало слабую, безумную надежду.

Из тьмы начала проступать новая реальность, и я понял, что вводная часть окончена. Шутки в сторону.

Я вцепился в единственную мысль, простую и надежную, как парашютное кольцо – смотреть в оба, запоминать всё и

не дергаться раньше времени.

«КГМ-0350».

«Круг 1: старт».

Тьма сомкнулась надо мной плотно, душно, словно меня зашили в бархатный мешок, позабыв оставить отверстие для дыхания. Это было не пространство в привычном, земном понимании, где есть верх, низ и линия горизонта. Здесь царило inferнальное Ничто. Стены отсутствовали, потолок растворился, а пол ощущался лишь потому, что пятки не проваливались в бездну. Доверять этой тверди было так же бессмысленно, как доверять клятвам шулера, но выбора мне не предоставили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.